ЖЕЛИХОВСКАЯ
НАШИ ВОИНЫ
ПРАВОСЛАВНЫЕ

Цѣна 20 коп.

НАРОДНЫЯ ЧТЕНІЯ.

Изданія учрежденной по Высочайшему повелѣнію г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммисіи по устройству народныхъ чтеній и состоящаго при ней Издательскаго Общества.

1) Уничиженіе на землѣ Господа нашего Іисуса Христа. Съ раскр. изобр. Ц. 8 к.

[illegible] Жизнь Божіей Матери. Свящ. М. [illegible]олова. Съ изобр. Богоро[illegible] Изд. пятое. Ц. 10 к.

[illegible]гослуженіи Православной [illegible]вящ. М. Соколова. Изд. [illegible] к.

[illegible]сть. Чтеніе священника [illegible]ова. Изд. второе. Цѣ[illegible]

[illegible] Христова со временъ апо[illegible]ь. Свящ. Опатовича и А. [illegible] изображеніями. Ц. 20 коп.

6) Жизнь Святого Николая Чудотворца. Свящ. М. Соколова. Съ изобр. Святителя. Изд. 3-е. Ц. 8 к.

7) Св. Стефанъ Пермскій. Т. Толычевой. Съ изображ. Святителя. Цѣна 10 к.

8) Житіе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Маріи и двухъ сыновей его Іоанна и Аркадія. Съ изображеніемъ преподобныхъ. Евг. Туръ. Ц. 10 к.

9) Богомольцы у святынь Кіева. Лавра. И. и В. Хрущовыхъ. Съ 2 хромолит. изобр. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

10) Богомольцы у святынь Кіева. Старый Кіевъ. И. Хрущова. Съ хромолит. изображен. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

11) Русскіе Богомольцы въ Святой землѣ. Чтеніе первое. Съ картою. Ц. 10 к.

12) Соловецкій монастырь. С. Максимова. 3-е изд. Съ карт. Ц. 12 к.

13) Свято-Троицкая Сергіева Лавра. И. И. Петрова. Съ тремя картинками. Ц. 15 к.

14) Начало христіанства на Руси. Съ 3-мя карт. Ц. 15 к.

15) Сыновья Св. Владиміра. Св. Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ. Съ хромол. рисункомъ. Ц. 10 к.

16) Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе. И. Хрущова. Съ 3 раскр. карт. 2-е изд. Ц. 15 к.

17) Нашествіе Татаръ и князь Михаилъ Тверской. Съ рисункомъ. Ц. 10 к.

18) Св. Благовѣрный Великій князь Александръ Невскій. Съ изображеніемъ. Ц. 10 к.

См. стр. 3 обертки.

НАШИ ВОИНЫ

ПРАВОСЛАВНЫЕ.

В. Желиховской.

Изданіе учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній.

Съ портретомъ Великаго князя Михаила Николаевича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1885.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 Іюня 1885 г.

Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.

НАШИ ВОИНЫ ПРАВОСЛАВНЫЕ.

Разсказы изъ Закавказской жизни во время войны 1877—1878.

I.

Къ концу марта 1877 года Тифлисъ, бывшая столица Грузіи, а нынѣ главный городъ Закавказья, словно притихъ, присмирѣлъ, будто прислушиваясь къ чему-то, чего-то тревожно выжидая... Вѣчно вызженныя знойнымъ солнцемъ горы, только что, въ эту раннюю пору весны, покрылись зеленью; сады, въ нѣмецкой колоніи, въ Салалакскомъ кварталѣ, подъ скалами древней крѣпости и въ Кукахъ, за Курою, гдѣ расползлись по равнинѣ прямыя, новыя улицы, едва разукрасились пышнымъ бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ черешневыхъ, миндальныхъ и абрикосовыхъ деревьевъ. Казалось тутъ бы только и оживиться городу и закипѣть жизни, начаться движенью, веселью. Да вышло не такъ. Противъ обычая сады и виноградники

1*

стояли молчаливые и пустые и даже въ городскомъ Александровскомъ саду гулянья что-то не спорились, хоть военная музыка играла, исправно призывая туда народъ по два-три раза въ недѣлю.

Видно не до гуляній было жителямъ! Всѣ ждали рѣшенія великаго, для всей Россіи важнаго вопроса: быть или не быть войнѣ?.. Мужчины, военные въ особенности, нетерпѣливо ждали манифеста, надѣялись, что Царь нашъ не потерпитъ долѣе притѣсненій, жестокостей Турокъ надъ христіанами, надъ православными жителями Турціи; молодежь такъ и рвалась на войну. Но женщины-матери, жены,—боялись войны за дѣтей своихъ и все надѣялись: не пронесетъ ли Богъ тучу?.. Все начало апрѣля была словно тишь передъ грозою: всѣ головы повѣсили и ждали грознаго удара грома.

И грянулъ онъ громко, торжественно раскатившись по всему отечеству нашему!

12 апрѣля всѣ колокола Сіонскаго собора, въ Тифлисѣ, зазвонили сразу и возвѣстили горожанамъ объявленіе войны, всѣхъ призывая къ молебствію.

Тифлисъ будто проснулся! Поднялось движеніе, суета, давно не виданныя. Генералы,

военные люди, чиновники, народъ, даже женщины и дѣти все спѣшило, ѣхало и бѣжало вслѣдъ за Его Высочествомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, намѣстникомъ Кавказскимъ, въ соборъ. Узкая улица стараго города, Армянскій базаръ, гдѣ стоитъ древній Сіонскій храмъ, въ мигъ запрудилась войсками, экипажами, народомъ. Во всемъ городѣ жители толпились по улицамъ и площадямъ, останавливая другъ друга, расправшивая. Многихъ извѣстіе это застало врасплохъ: ему не вѣрили потому, что не далѣе какъ на канунѣ, 11 апрѣля, почему-то распространился слухъ, что войны не будетъ, что султанъ согласился на всѣ требованія Россіи. Однако власти знали, что все рѣшено: войска наши еще въ ночь получили приказаніе перейти границу.

Все преобразилось съ этого дня. Явилось множество новыхъ заботъ, новыхъ занятій мирнымъ жителямъ городовъ. Женщины стали собирать каждый день для непривычныхъ имъ работъ. Въ Тифлисѣ барыни собирались въ зданіи одного изъ правительственныхъ учрежденій и несмотря на скоро наступившій жаръ, все лѣто прилежно сидѣли за шитьемъ бѣлья, за разрѣзываніемъ бинтовъ,

щипкой корпіи для лазаретовъ; а также трудились по устройству бараковъ для раненыхъ, исполняли множество требованій по обществу Краснаго Креста. Очень многія женщины, въ особенности матери, жены и сестры военныхъ, ушли въ дѣйствующую армію, сестрами милосердія.

Наступили тяжкіе дни горестныхъ тревогъ, боязни за своихъ близкихъ, вѣчнаго ожиданія извѣстій о первыхъ битвахъ, о первыхъ павшихъ.

Онѣ скоро пришли, эти кровавыя извѣстія!.. Священныя отнынѣ имена павшихъ въ бою на вѣки запечатлѣлись въ сердцахъ Русскихъ людей. Одной изъ первыхъ жертвъ, въ концѣ того же апрѣля, палъ юноша, прапорщикъ Грамотинъ. Его имя запомнилось мною въ особенности живо потому, что одинъ изъ товарищей его по дѣлу, рядовой Панкратовъ, тамъ же тяжело раненый, лечился въ одномъ изъ Тифлискихъ бараковъ; по выздоровленіи бывалъ у насъ часто, и я, съ его словъ, записала какъ было дѣло.

Панкратовъ былъ изъ мѣщанъ Пензенской губерніи; учился въ училищѣ и говорить умѣлъ хорошо. Разсказъ его я передаю почти слово въ слово.

II.

«Мы были посланы съ прапорщикомъ Грамотинымъ изъ форта св. Николая *), по берегу моря, на развѣдки. Насъ было тринадцать человѣкъ рядовыхъ, да еще одинъ унтеръ-офицеръ, Махровъ, по фамильи. Переправились мы черезъ рѣченку Нотанеби на турецкихъ фелюкахъ; рѣчька-то такая, что курица въ бродъ перейдетъ, да передъ тѣмъ дожди были, такъ вотъ она и вспухла и пришлось ей честь оказать: въ лодчонкахъ ее переѣхать. Только мы вышли, а перевозчикъ намъ и кричитъ:—«И куды, говоритъ, васъ несетъ?.. Мы сейчасъ видали на взморьи 6 шлюпокъ, полнымъ—полныхъ Турокъ. Спустили ихъ двое броненосцевъ, а высадились они въ этомъ самомъ лѣсу...» А прапорщикъ нашъ засмѣялся да и говоритъ:—«Ахъ вы, пугалы! И какое дѣло броненосцамъ слѣдить за горсточкой нашихъ солдатъ?.. Ужь вѣрно они не для насъ высадились. А намъ свое дѣло исполнить надо, хоть бы не 6, а 36 шлюпокъ Турокъ высадили на берегъ».

«Приказалъ прапорщикъ двоимъ изъ насъ

*) На берегу Чернаго моря, недалеко отъ Батума.

остаться на опушкѣ: по возможности наблюдать за дѣйствіями непріятеля; а сами мы въ лѣсъ углубились, да только не далеко прошли.

«Глядимъ: бѣгутъ наши сторожевые.

— «Бѣда! кричатъ. Никакъ невозможно намъ черезъ лѣсъ пройти: со всѣхъ сторонъ въ немъ засѣлъ непріятель! Своими глазами видали въ трехъ концахъ ихъ черныя, богомерзкія рожи!

— «Ну и пусть ихъ сидятъ въ своихъ засадахъ! Что же намъ дѣлать? Неужели-же взять да уйти не исполнивъ порученія?..» говоритъ Грамотинъ. И даже разсерчалъ. «Не понюхавъ пороху отъ врага убѣжать? Вотъ такъ дѣло!.. Да съ такими молодцами, какъ вы, ребята, хоть бы цѣлый отрядъ турецкій напалъ на насъ, такъ бы мы отбились!.. Ну! нечего толковать: не отступлю, пока свято не выполню порученія!.. Маршъ впередъ!..»

«Тутъ между людьми поднялся ропотъ и движеніе: намъ-де велѣно развѣдки произвесть. Ну, вотъ мы и развѣдали и доносимъ, что-де съ моря высадился непріятель. А чего-жь намъ въ лѣсъ-то, на смерть лѣзть, безо всякой нужды?.. Не долго думая пра-

порщикъ выхватилъ шашку, да какъ закричитъ:—«Голову, говоритъ, размозжу тому, кто слово противъ команды скажетъ!.. Впередъ, не разсуждая!..»

«И двинулись мы впередъ, на вѣрную погибель... Шли мы гуськомъ, еле пробиваясь. Лѣса-то вѣдь тамъ какіе: стѣна-стѣной. Потому всѣ деревья перепутаны лозой, да всякими травами, словно какъ честоколомъ забраны. По неволѣ шагъ за шагомъ идешь, пробираешься, другой разъ и кинжаломъ дорогу пробивать приходилось... Шесть человѣкъ у насъ впередъ послано было съ Махровымъ; а мы, значитъ въ арьергардѣ. Вотъ сталъ лѣсъ рѣдѣть и показались на прогалинкѣ сакли ихнія: одна, другая... Изъ трубъ дымокъ подымается, значитъ не пусты онѣ...

«Остановился Махровъ подъ бугромъ да и скомандовалъ: «Стой! Равняйся!.. Что-жь, братцы, говоритъ: тутъ мы дождемся подкрѣпленія...» А подкрѣпленіе-то значило прапорщикъ съ восемью рядовыми!.. Да только вотъ бѣда, что Кабулетцы, жители тамошніе, которые всѣ съ Турками за едино были, не стали ждать, а подняли по нашимъ стрѣльбу. Отрядъ раздѣлился: это 7-то человѣкъ!.. Трое ста-

ли противъ оконъ саклей, а четверо расположились у опушки, въ пятидесяти шагахъ отъ дверей большой сакли, откуда шла стрѣльба... Послѣ каждаго залпа нашихъ храбрыхъ войскъ — смѣясь разсказывалъ намъ Панкратовъ—Турки поднимали страшный вой въ своихъ сакляхъ: видно ненравилось! Наконецъ рѣшились покончить съ нами на открытомъ воздухѣ. Высыпало ихъ, на прогалинку, человѣкъ до ста. Наши тоже въ боевомъ порядкѣ, по два въ рядъ, отступили къ лѣсу и, не допуская ихъ до себя на нѣсколько саженей, бросились въ штыки; твердо рѣшились разогнать эту толпу. Въ эту же минуту и тѣ восемь человѣкъ, что позамѣшкались въ арьергардѣ, вышли изъ чащи и, увидавъ въ чемъ дѣло, ринулись въ бой, на выручку своихъ. Впереди всѣхъ, ничего не разбирая, съ шашкой на голо, врѣзался въ толпу Грамотинъ; ему удалось уложить человѣкъ десять враговъ, прежде чѣмъ пуля одного изъ нихъ срѣзала его самаго на смерть...

«Падая онъ, закричалъ:

— «Ничего, братцы! Гоните съ дороги эту сволочь!..»

«Тутъ я, съ унтеромъ бросились къ не-

му,—видимъ ужъ, что плохо дѣло; хотѣли вынести его изъ самой-то свалки, да не тутъ то было! Только я прапорщика подхватилъ подъ руки, слышу товарищъ мнѣ кричитъ: «Ну! бѣда!.. Пропалъ нашъ унтеръ офицеръ!..» Глянулъ я на Махрова, смотрю: валится онъ; да въ ту же секунду чувствую, что меня самаго, какой-то окаянный за горло схватилъ. Вцѣпился когтищами врасплохъ, свалилъ меня рядомъ съ прапорщикомъ, душитъ, а самъ по русски оретъ: «Сдавайся Сдавайтесь всѣ, не то свяжемъ, да перевѣшаемъ, какъ собакъ!..» Ахъ! Ты нехристь! думаю: что выдумалъ, окаянный!.. Да когда-жь это было, чтобъ русскій солдатъ живымъ, своей охотой, сдавался?.. Стрѣлять-то мнѣ ужъ и думать нечего; такъ я нащупалъ штыкъ, да какъ хвачу его въ бокъ! Свалился онъ замертво, да и я съ нимъ рядомъ. Хватило меня откуда-то пулей: я и память потерялъ...

«Ужъ не знаю долго-ль лежалъ я, только, какъ опамятовался, оглядѣлся,—всюду трупы въ крови лежатъ, всѣ ужъ обобранные, а тихо. Стрѣльбы не слыхать!.. Ушли значитъ и меня оставили съ убитыми,—за мертваго сочли.

Обобрать—обобрали; оружіе, шинель, сапоги, даже шапку, все чисто стащили; а самаго не добили, спасибо!.. Не то что прапорщика нашего: того тѣло только въ пыли валялось, а головы-то ужь не было!.. Эхма! Какъ вспомнилъ я матушку ихнюю, генеральшу Грамотину, сестрица;—всѣхъ-то я зналъ ихъ, — ажно слеза меня прошибла!.. Отползъ я оттелева, воды мнѣ страхъ какъ испить хотѣлось. Въ горлѣ такъ пересохло, что языкъ къ гортани прилипъ. И бокъ страхъ побаливалъ... Самъ ужь я не знаю, какъ такъ случилось, но очутился я въ саклѣ ихней... На меня все забытье будто-бъ находило!.. Должно быть я воды тамъ искалъ да сознанья лишился. Только очнулся я ужь ночью, или вечеромъ, и самъ хорошо не знаю; темноты не было; въ дверь и окошко луна свѣтила. И какъ увидалъ я, что въ стѣнахъ нахожусь, такъ и подумалъ спачала, что въ Николаевскомъ портѣ въ казармѣ состою. Повелъ я глазами кругомъ, да такъ и шарахнулся! Разомъ все вспомнилъ. Весь полъ залитъ былъ запекшейся кровію; нѣсколько труповъ Кабулетцевъ тутъ было, но одинъ стоялъ во весь ростъ, прислонившись въ углу и во всѣ глазищи, какъ живой, на ме-

ня смотрѣлъ... Словно поспрошать о чемъ хотѣлъ, право! И какъ это онъ такъ остался?.. Богъ его вѣдаетъ!.. Этихъ всѣхъ наши перестрѣляли, когда еще они не выходили изъ саклей; такъ вѣрно ему сразу досталось, такъ что и вздохнуть не успѣлъ. Своихъ то эти черти не обобрали. Маленько справившись съ силами, я самъ тутъ взялъ себѣ кое какое оружіе, да патроновъ; особливо ружьецо славненькое было—аглицкое, системы Фреля. И откуда только брались такія у нихъ?.. Вышелъ я изъ сакли словно вѣтромъ расшатанный; побрѣлъ воды опять искать, да только до лѣсу дотащился—чувствую, что-то у меня поперегъ горла стало, а къ груди словно горячая струя подступаетъ. Охъ! думаю, доползу-ли до какой помощи? Али тутъ, въ лѣсу и сгину?.. Вотъ тебѣ и отличіе! И крестъ георгіевскій, о которомъ столько, бывало, думалось нашему брату, рядовому!... Ну! чтожь дѣлать? Оно правда что солдатская могила,—съ крестомъ-ли, али безъ креста,—предъ Господомъ Богомъ завсегда честна! Особливо, коли ты долгъ свой воинскій вѣрно справилъ... Только что вотъ, въ трущобѣ такой и могилы себѣ не дождешься, а разнесутъ твои кости

шакалы да вороны. Думаю я про себя такія мысли горькія, а самъ чувствую, что вотъ,— вотъ упаду! Нѣтъ ужь моей силушки болѣ!.. И вдругъ слышу, по лѣсу-то: дринь! дринь!.. Батюшки, думаю: неужто-жь наши?.. Видать не видно, а слыхать шагъ солдатскій... Догадался я, что вѣрно на розыски, за нами посланы, да съ радости, какъ гаркну: «Сюды, ребята! Помогите, православные!..» А кровь то изъ меня горломъ, какъ изъ ведра. Повалился я тутъ замертво, а ужь не помню, какъ нашли меня и въ Николаевскій фортъ предоставили».

Такъ закончилъ рядовой Панкратовъ свой разсказъ.

Изъ газеты мы давно уже знали, что чрезъ нѣсколько дней послѣ разсказаннаго имъ дѣла, вдова генеральша Грамотина схоронила обезглавленный трупъ своего сына въ Гурійскомъ городкѣ, въ Осургетахъ, а голова бѣднаго юноши, по слухамъ, виднѣлась на улицахъ Стамбула, украшая собою, въ числѣ многихъ другихъ головъ павшихъ русскихъ воиновъ, турецкое празднество взятія нашего Сухума...

Куда дѣвался рядовой Панкратовъ, получивши отставку и уѣхавъ въ Россію, живъ-

ли онъ... Мы не знаемъ. Но врядъ-ли!.. Рана его, хотя ее залечили временно, грозила неминуемой чахоткой и самъ онъ это зналъ. Прощаясь съ нами онъ сказалъ:

— «Хотя я и не жилецъ на свѣтѣ, но это что!.. Не первый я и не послѣдній. А радъ я, что мое тѣло волки да шакалы не разорвали и что теперь ужь я безпремѣнно свой крестъ получу».

III.

Въ одно чудесное, яркое утро, Тифлисъ былъ неожиданно разбуженъ пушечною пальбою.

Всѣ кто любили и могли нѣжиться долго въ постеляхъ, повыскочили изъ нихъ въ переполохѣ, въ недоумѣніи.

«Что такое?.. Война?.. Турки?.. Надо спасаться!..» промелькнули, съ просонья, мысли въ нѣкоторыхъ трусливыхъ головахъ.

— «Что случилось?.. Побѣда?.. Гдѣ? Не Карсъ-ли взятъ?.. Куда!.. Вѣрно что нибудь на Дунаѣ. Скорѣй-бы узнать, достать телеграмму!» раздавался болѣе осмысленный, громкій говоръ на едва проснувшихся улицахъ, красиво освѣщенныхъ яркими лучами встававшаго солнца.

Вдоль по Головинскому проспекту, главной улицѣ Тифлиса, бѣжали чиновники, лавочники, деньщики и ремесленники; скакали казаки, гремѣли экипажи и все это озабоченно стремилось къ зданію Главнаго Штаба, чтобы скорѣй узнать въ чемъ дѣло. Кучки простаго народа съ корзинками, съ кувшинами въ рукахъ; повара, нѣмки - молочницы, продавцы фруктовъ, съ своими чашками на головахъ, останавливались на углахъ улицъ, особенно противъ еще покрытой утренней тѣнью, гауптвахты и ярко озареннаго первыми лучами солнца дворца намѣстника и среди безтолковаго говора вопросительно глядѣли на окна, словно оттуда ожидая отвѣта.

А торжественные пушечные выстрѣлы между тѣмъ продолжали мѣрно чередоваться, и отголосокъ вторилъ имъ по окрестнымъ горамъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ!

Жителямъ на горной части Тифлиса, особенно тѣмъ, кто жилъ повыше, на Мта-Цминдѣ (Святой горѣ), у подножья монастыря св. Давида, въ это памятное утро, 6 мая, открылся чудный видъ.

Не одно сердце крѣпко забилось, не одна рука благоговѣйно перекрестилась, широко

распахнувъ окно и понявъ въ чемъ дѣло. Побѣда!.. Несомнѣнно большая, важная побѣда!

Сто одинъ пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ Тифлису взятіе Ардагана.

Быстрые успѣхи въ Малой Азіи, почти безпрепятственное, чуть не торжественное шествіе нашихъ войскъ; безпрерывныя сдачи непріятельскихъ деревень, отрядовъ Курдовъ; первая сдача города Баязета, не стоившая ни одной капли крови православной; всѣ эти удачи переполняли сердца радостной гордостью. Взятіе крѣпости Ардагана, на штурмъ которой, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, солдаты наши шли бодро, весело, какъ на праздничное торжество, еще болѣе усилило вѣру въ успѣхъ и силу Кавказскихъ войскъ.

Но въ тоже время прибывало множество заботъ о нуждахъ раненыхъ и больныхъ, о размѣщеніи ихъ въ госпиталяхъ и деревянныхъ баракахъ. Бараки эти были вновь выстроены на высотахъ, неподалеку отъ дальняго предмѣстья, лежащаго отдѣльно отъ города, гдѣ и былъ главный военный госпиталь. Сложныя заботы членовъ Общества Краснаго Креста удесятерились; дружно помогали имъ и частные люди своими пожертвованіями, ко-

пѣвчными сборами. Ихъ муравьинымъ, мелкимъ, но безсчисленнымъ хлопотамъ, многія тысячи воинства нашего были обязаны облегченіемъ своихъ страданій и выздоровленіемъ отъ ранъ и недуговъ.

Эти заботы, угощенія солдатъ, одѣленіе ихъ табакомъ, папиросами, чаемъ и сахаромъ начинались со встрѣчи поѣздовъ на желѣзной дороги. Пока фургоны краснаго креста перевозили болѣе тяжело больныхъ въ лазареты; легко раненыхъ поили, кормили и всячески ублажали всѣ жители, безъ различія положенія, средствъ и даже вѣроисповѣданій. Молокане, почти всѣ занимающіеся извозомъ, кромѣ многихъ пожертвованій, предложили даровой перевозъ солдатъ отъ станціи до назначенныхъ имъ бараковъ. Армяне лавочники не скупились на пожертвованія множества предметовъ и первой и десятой необходимости: груды запасовъ, одежды, табаку, книгъ, даже картъ. картинъ и тому подобныхъ увеселительныхъ предметовъ, перевозились обозами въ бараки. Небольшія братства тифлисскихъ евангелистовъ и перекрещенцевъ жертвовали тысячи евангелій, псалтирей и молитвенниковъ. Мусульмане—и тѣ не отстали: по предло-

женію своего духовнаго главы, муфтія Гуссейна, тифлисскіе Татары много разъ сбирали пожертвованія на «страждущихъ воиновъ». Этотъ умный муфтій (т. е. главный священникъ татарскій), читалъ, по этому поводу, даже проповѣди своей паствѣ въ мечетяхъ: «Мы всѣ, вѣрноподданные Русскаго Царя, нынѣ должны сплотиться, — безъ разбора вѣроисповѣданій, говорилъ онъ. Всѣ обязаны помогать страждущимъ за отечество и способствовать преуспѣванію его»!..

Но сколько отрады доставляли нашимъ, почти сплошь грамотнымъ, воинамъ дары книгами!.. Сколько разъ мы были свидѣтелями радости раненыхъ и больныхъ, когда дарили имъ молитвенники и особливо Евангелія.

— «Это самое подходящее для нашего брата, страждущаго, чтеніе! сказалъ мнѣ разъ крѣпко больной солдатъ. Другая книжка надоѣстъ, да и не найдешь въ ней никакого себѣ утѣшенія; а священную ты каждый разъ будто-бы за новую читаешь. Это — всѣмъ книгамъ книга!»

А другой рядовой, коли ужь ему читать не подсилу, проситъ, бывало, отослать «бо-

жественную книжечку» въ свою семью, «дѣткамъ на память».

— Потрудитесь имя его (имя подарившаго ему евангеліе) на первомъ листикѣ поставить. Если я помру,—пущай жена его въ молитвахъ своихъ помянетъ! сказалъ мнѣ одинъ умиравшій солдатикъ Новгородской губерніи, прося переслать «книжечку», вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ прощался и благословлялъ свою семью.

О! Сколько такихъ священныхъ, послѣднихъ прощаній пришлось намъ пересылать вдовамъ и сиротамъ русскихъ героевъ, безропотно умиравшихъ, за тысячи верстъ отъ своихъ близкихъ. И сколько разъ, дежуря въ баракахъ, сотнями изготовляя письма умиравшимъ, приходилось намъ дивиться высокому христіанскому смиренью, твердой вѣрѣ, спокойствію духа, съ которымъ наши воины переходили въ вѣчность.

Разъ, написавъ письмо солдату, у кототого обѣ ноги были отняты выше колѣнъ, который прекрасно зналъ, что часы его сочтены, я обронила на его койку перчатку. Прощаясь часовъ въ 6—7 вечера, онъ благодарилъ меня горячо; просилъ не забыть завтра же отправить «домой» его посылоч-

ку (образокъ, евангеліе, новый платокъ женѣ, да кисетъ съ табачкомъ отцу его), но когда я сказала, что завтра утромъ привезу ему почтовую росписку, онъ отвѣчалъ:

— Не надо, сударыня. Врядъ-ли вы меня въ живыхъ застанете; а коли и протяну— безъ памяти буду! Потому что ужъ и теперь меня мутитъ: понимаю и слышу плохо!

Когда я на слѣдующій день пріѣхала, его уже не было на обычномъ мѣстѣ: онъ скончался на зарѣ; но сосѣдъ его по кровати остановилъ меня, самъ еле дыша, словами: «Вотъ, извольте получить, сударыня, рукавичку... Вы вчера обронили, а онъ, какъ вы ушли, увидалъ на одѣялѣ своемъ и мнѣ передалъ. Ради Христа молилъ не забыть!.. «Добрая, говоритъ, барыня! Надо мной потрудилась и потеряла... Можетъ хватится, жалѣть станетъ. Отдай, пожалуйста! Самъ онъ ее и складывалъ... Извольте!» И онъ передалъ мнѣ перчатку, акуратно сложенную умершимъ, а имъ, умиравшимъ, сохраненную подъ подушкой, до моего прихода. Дня черезъ три я не застала ужъ и его въ живыхъ... Я храню эту перчатку, какъ священное воспоминаніе благодарной заботли-

вости двоихъ умершихъ воиновъ православныхъ.

Этотъ послѣдній умершій былъ очень молодой солдатикъ; отличался онъ живымъ вображеніемъ и умѣніемъ разсказывать сказки. Когда оба сосѣда по кровати еще были сильнѣе, я часто заставала ихъ за этимъ занятіемъ. Петръ Никитинъ разсказывалъ, а Семенъ Барченко, безногій, слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Не разъ и я слушала разсказы Петра и признаюсь усердно поддерживала славныя мысли, которымъ бѣдняга любилъ предаваться. Завѣтной надеждой обоихъ, мечтой, которая много облегчала ихъ страданія, было получить отличіе, «Егорьевскіе крестики». Эту надежду возбудилъ въ нихъ третій сосѣдъ по бараку, получившій изъ собственныхъ рукъ Его Высочества Главнокомандующаго «бѣлый крестикъ». Этотъ умеръ гораздо ранѣе моихъ двухъ друзей, и до послѣдняго вздоха любовался на своего Георгія и мечталъ о томъ, какъ надѣнетъ его, поправившись... Смерть сосѣда нимало не смутила его товарищей: всяко бываетъ!.. «Чтожь, на то и жисть солдатская, чтобы ее за Царя, за отечество класть»! Вотъ собственныя слова Барченки

и молодой его пріятель съ нимъ вполнѣ соглашался. Но въ то время оба они еще надѣялись сами выздоровѣть и мечтали на пропалую.

— «Вотъ встанемъ мы съ тобою! говаривалъ Никитинъ. Тебѣ дадутъ деревяшку (у Семена тогда еще только одна нога была отрѣзана). Ты на деревяшкѣ заковыляешь, а я пустой рукавъ заправлю такъ, что всякій увидитъ что руку-те я подъ Карсомъ посѣялъ. Тутъ пріѣдетъ съ войны Его Высочество, встрѣнетъ насъ, да и спроситъ: «гдѣ вы, молодцы, своихъ членовъ лишились»?.. Мы тутъ сейчасъ Ему все и разскажемъ, какъ то-ись, было дѣло. А Онъ это, руку въ карманъ, да и вынетъ намъ съ тобой по Егорью... «На-те, скажетъ, ребята»!.. И самъ намъ на шинели вздѣнетъ»...

Я не была при смерти Никитина. Но мнѣ разсказывали очевидцы, что онъ такъ и умеръ въ этой предсмертной надеждѣ и въ предсмертномъ бреду все еще бормоталъ:

«Михаилъ мнѣ Егорья пожалуетъ!.. Безпремѣнно пожалуетъ... Самъ вынетъ и на меня надѣнетъ».

Съ такимъ отраднымъ убѣжденіемъ Никитинъ и скончался.

— Ну, чтожъ такое? говорили между собой его товарищи по бараку, добродушно посмѣиваясь: вотъ онъ свой крестъ и получилъ!.. Не все-ль ему равно какой,—бѣлый или черный? Черный-то, почитай еще лучше, потому что издалече его на могилѣ видать».

IV.

Когда мы разъѣзжали по всему городу за сборомъ пожертвованій для общества Краснаго Креста и просто для бараковъ, намъ часто приходилось бывать въ самыхъ разнообразныхъ закоулкахъ и обществахъ, среди не только Грузинъ и Армянъ, но и различныхъ сектантовъ, на молитвенныхъ сборищахъ молоканъ и отщепенцевъ другихъ вѣроисповѣданій, о существованіи которыхъ въ Тифлисѣ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія. Вездѣ мы встрѣчали полное сочувствіе общему дѣлу Россіи; хотя, конечно, встрѣчались люди не такъ охотно отвѣчавшіе на наши призывы къ участію въ посильныхъ дарахъ. Не только между магометанами, но даже въ средѣ Русскихъ людей попадались равнодушные, а подъ часъ

и враждебно относившіеся къ святому дѣлу помощи пострадавшимъ защитникамъ православнаго дѣла. Но справедливость требуетъ сказать, что такіе встрѣчались чрезвычайно рѣдко и ихъ нерасположеніе происходило всегда отъ религіознаго заблужденія. О магометанахъ и говорить нечего: они отчасти были въ своемъ правѣ, такъ какъ мы вели войну съ ихъ единовѣрцами. Ихъ колебанія впрочемъ скоро прекратились, когда они убѣдились, что Турки и прочіе магометане, попадавшіеся въ плѣнъ, пользовались такимъ же уходомъ какъ и наши солдаты. Но вотъ поразительный случай, происшедшій въ Воронцовкѣ, большомъ молоканскомъ селеніи Тифлисской губерніи, въ самый разгаръ войны. Случай этотъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе и заставилъ самыхъ суровыхъ сектантовъ признать, что если бы даже они были правы въ своей ненависти къ воинскому дѣлу *), то помогать раненымъ все-жь таки обязаны, по человѣколюбію. Разскажу этотъ удивительный случай такъ, какъ онъ

---

*) Малоканская вѣра осуждаетъ войну и солдатство, основываясь на изреченіи Евангелія „Извлекшій мечь мечомъ и погибнетъ“. По великой милости Царской они рекрутской повинности не несутъ.

былъ намъ разсказанъ старикомъ молоканомъ, очевидцемъ всего дѣла.

Разъ на моленіи въ одномъ зажиточномъ домѣ на Пескахъ (части города по лѣвому низменному берегу Куры, гдѣ живутъ одни молокане), мы замѣтили ветхаго старика; сгорбленный, весь трясясь, онъ страшно кашлялъ и непрерывно бормоталъ что-то изсохшими губами, притомъ безпокойно озирался по сторонамъ.

— Что это съ нимъ? спросили мы хозяина дома. Болѣнъ онъ, что ли? Или разсудокъ у него не въ порядкѣ?

— Да кажись что такъ, кажись, что въ умѣ рѣшился! отвѣтили намъ. Недуженъ!.. Какой старикъ крѣпкой, да толковый недавно еще былъ, а нынѣ вотъ, расхворался такъ, что и въ толкъ ничего не беретъ.

— Отчего-жь съ нимъ такъ сталось?.. Случилось что нибудь съ нимъ? Испугался онъ или чѣмъ огорчился?

— Да пожалуй что и то, и другое приключилось!.. Это совсѣмъ особый, удивительный съ нимъ случай вышелъ. Какъ разъ въ самую войну поѣхалъ онъ въ Воронцовку изъ Эривани; онъ тамошній, Эриванскій, а сюда пріѣхалъ только на излеченіе. Ихніе

то всѣ доединаго были заняты и въ разъѣздахъ; извѣстно, кто себѣ врагъ? Время военное горячее,—всякому нажить копѣйку хотѣлось. Ну и набросились и Эриванскіе и Александропольскіе всѣ, кто на подряды, кто въ вольный извозъ,—всѣ въ разбродъ разбрелись. А тутъ надо было чалтыкъ *) въ Воронцовку свезти. Вотъ и взялся дѣдъ Семенъ, этотъ самый, стариной тряхнуть. Дали ему еще мальчишку подростка: авось-де стараго, да малаго никто не обидитъ и вдвоемъ они справятся. Такъ оно и вышло: грузъ они, въ двухъ фургонахъ, довезли благополучно, да только въ Воронцовкѣ пришлось долго застрять. Лежитъ-то она какъ разъ на самомъ высокомъ трахту, между Тифлисомъ и Александрополемъ; а они попали въ самый, что ни на есть разгаръ, когда не то лошадей, а собакъ кажись бы, всѣхъ поставили въ оглобли, кабы они годились въ упряжь. Вотъ лошадокъ-то у нихъ и забрали, подъ военныя, то-ись, надобности. Въ то время за подводы щедро, золотомъ платили; да дядя Семенъ ни въ жисть не далъ бы ни за какую плату, своихъ ло-

*) Рисъ.

шадей, на такое дѣло. Былъ онъ самой строгой молоканской жизни. — «Мы, говоритъ, люди мира! Мы не должны поблажать кровопролитіямъ, да убіеніямъ!.. Войну намъ законъ осуждаетъ, какъ смертный грѣхъ и воинствующимъ помогать не указываетъ!» заладитъ, бывало, такую пѣсню и хошь ты ему колъ на головѣ теши. Анъ начальство-то на него и прикрикнуло: не хочешь, говоритъ, за деньги лошадей дать,—мы и даромъ возьмемъ!.. Насилу его уломали Воронцовскіе-то: отдалъ. Должны были черезъ три—четыре дни фургоны вернуть; — анъ и черезъ двѣ недѣли не вернули. Вотъ тутъ старикъ серчалъ, — страсть! И рвалъ все и металъ, и ругани не было у него достойной солдата! Кажинный разъ, что видѣлъ шинель военную—отплевывался. А тутъ ихъ всякій день валило и конныхъ и пѣшихъ— видимо не видимо, потому изъ Тифлиса имъ одна дорога въ Александрополь, да подъ Карсъ. И, по правдѣ сказать: тяготились уже жители, подъ конецъ. Вѣдь тутъ и постой, и продовольствіе, и все такое. Съ первоначалу-то наши повсюду и встрѣчали войска и провожали съ хлѣбомъ и солью, съ угощеньями; а потомъ притомились: не въ

моготу стало—возроптали! Они-то жалуются и печалятся, а нашъ-то старикъ ихъ хуже воспаляетъ и гнѣвомъ небеснымъ пужаетъ, что-де кровопивцамъ дружите, а въ законѣ того не показано. Дошло до того, что не токма угощать, а и за деньги трудно стало продовольствія найти. Нѣтъ, говорятъ, у насъ: оскудѣли!.. А подъ конецъ и вовсе хлѣбъ прятать стали. А какъ завидятъ полкъ, заслышатъ музыку, пушки, али пѣсни солдатскія, что-ли, такъ всѣ изъ деревни, старъ и малъ наровятъ въ разсыпную. Позапираютъ дома, разойдутся, схоронятся — и нѣтъ ни людей, ни хлѣбца!..

Тутъ разсказъ молокана былъ прерванъ хриплымъ шопотомъ старика. Мы невольно на него обернулись... Онъ попрежнему сидѣлъ, сгорбившись въ три погибели въ своемъ уголку, только тусклые глаза его были устремлены безпокойно на разсказчика, словно онъ уразумѣлъ его рѣчи, а губы быстро, безостановочно бормотали:

— «Хлѣбца?.. Хлѣбца?.. Да, да! Дай хлѣба солдату! Богъ урожай убьетъ!.. Дай! Дай хлѣба солдату!..

— Вотъ такъ-то все и болтаетъ! Друга-

го слова отъ него теперь трудно добиться! замѣтилъ хозяинъ.

— Съ чего же это съ нимъ такая перемѣна? спросили мы.

— А вотъ съ чего, извольте послушать. Однова остался онъ у свово племянника въ Воронцовкѣ одинъ въ избѣ, съ дѣтьми малыми. Время горячее стояло, предъ самымъ жнитьемъ. А пшеницу прошлымъ лѣтомъ Богъ уродилъ богатѣйшую. Чуть не самъ-двѣнадцать. Поднялась она и вся пожелтѣла... Только поспѣвай закромы готовить: вотъ — вотъ сымать пора! Ну, вотъ сидитъ дядя Семенъ на завалинкѣ, да любуется сдалека на нивы, этта, какъ онѣ съ вѣтромъ играютъ, на солнышкѣ золотомъ переливаются. А тутъ какъ разъ, партія раненыхъ да больныхъ мимо тянется... Которые пѣшкомъ плетутся, разжарились, притомились; которыхъ везутъ,—не въ моготу имъ значитъ! Другія телеги тѣсно засажены больными, такъ что и лошадь съ трудомъ ступаетъ, видали—чай?

— Какъ не видать! прервалъ одинъ изъ заѣзжихъ, не городскихъ молоканъ. У насъ, въ тѣ поры, не токмо избы, а и всѣ сараи бывали такими гостями полны. Колько чет-

вертей крупъ, да муки на ихъ кормежку у насъ повышло.

— Ну, то-то же! А вотъ старикъ-отъ нашъ другое понятіе имѣлъ: онъ, кто ни подойдетъ къ нему, не то корки хлѣба, — воды испить не давалъ. Вода-то у насъ, говоритъ, не подъ бокомъ! Потрудиться надо, тоже, ее натаскать!.. Всѣхъ гналъ!.. Напослѣдокъ подошли къ нему двое отсталыхъ; у одного рука на перевязи, а у другаго голова повязана: Блѣдный этотъ,—ноги еле передвигаетъ, испить и попросилъ. Мальчонко, тути, хозяйскій случился, побѣгъ ему зачерпнуть, да пока принесъ, слышитъ,—дядя Семенъ ужь ихъ ругательски изругалъ; особливо другого, въ руку раненаго, за то, что онъ поѣсть у него попросилъ.

— «Нѣту, говоритъ. Самимъ скоро ѣсть будетъ нечего отъ васъ разбойниковъ, дармоѣдовъ!» А раненые-то обернулись, да и говорятъ:

— «Это мы-то дармоѣды?.. Бога въ тебѣ нѣтъ, старина!.. А еще свои, говорятъ, Россійскіе!.. Только слава, что свои; а промежду васъ, молоканъ, бываютъ хуже Татаръ намъ вороги!.. Хлѣбца раненому солдату нѣтути?.. Это съ такихъ-де полей, да

урожаевъ?.. У васъ, чай, говорятъ, амбары да закромы ломятся, а вы прохожаго, больнаго человѣка коркой накормить не хотите!» Ну, тутъ Семенъ еще пуще на нихъ осерчалъ.—«Много, говоритъ, васъ, такихъ проходимцевъ! Всѣхъ кормить, такъ сами голодные насидимся!..»—«А кто-же отвѣчаютъ они ему, вашъ-то хлѣбъ грудью своею отстоялъ?.. Кабы не мы, проходимцы, много ли бы вы, молокане, со своихъ полей собрали?.. Вѣдь дорога-то Турку прямая на васъ лежитъ!.. Мнѣ—одинъ говоритъ—голову изъ за твоего добра, чуть не снесли, а ты мнѣ же воды глотка жалѣешь?..» Ну, и такъ-то они перебраниваются, да перекоряются, и что дальше старина-то нашъ все хуже серчаетъ и, наконецъ такъ ихъ непутными словами изобидѣлъ, что обернулся этотъ-то, въ голову раненый, да какъ закричитъ:—«Будьте вы прокляты, говоритъ, аспиды! Смотри,—кричитъ: не много вы соберете хлѣба съ этихъ самыхъ полей вашихъ! Покараетъ васъ Господь Богъ! .» И что-же вы думали? Вѣдь, какъ сказалъ, такъ оно и сбылось! Грады лѣтошніе помните?..

Какъ не помнить! отозвалось нѣсколько

голосовъ. И мы-то здѣсь много отъ нихъ потерпѣли; а ужь въ Александропольскомъ уѣздѣ—все лоскомъ положило.

— Во всей Эриванской и Тифлисской губерніи большіе убытки вышли!.. Вѣдь передъ самымъ жнивьемъ!

— Ну, вотъ оно, вотъ! Самое! Воронцовка-то болѣе всѣхъ обезхлѣбила. И какъ разъ это тутъ и случилось: на другое, то-ись, утро поднялись тучи, страшнѣющія!.. Я какъ разъ о ту пору прибылъ въ Воронцовку самъ: десять фургоновъ тогда изъ Тифлиса ѣхало насъ, съ лазаретными да солдатскими вещами. Сами и видѣли, что это за бѣда великая была! Не повѣрите, ажно середь дня потемнѣло и, какъ это грянуло, какъ вотъ горохъ изъ рѣшета. Да вѣдь какія градины? съ орѣха грецкаго, а то и въ цѣлое яйцо куриное величиною. Страсти, что такое!.. Воронцовскіе чисто думали: представленіе свѣта. Громъ! Молоньи такія, что полъ неба пожаромъ занималось; а уже градъ, такъ и не бывало, кажись, николи, такого!.. Птицы наубивало, овецъ, скотины разогнало въ поляхъ; особливо ягнятъ молодыхъ, лѣтошныхъ, положило пропасть. Такъ и прибило къ землѣ и засыпало!.. А что посѣвы—

какъ есть выбило!.. На третьи сутки еще по балкамъ все бѣло было, — что твоя зима!.. Какъ прояснѣло, этта-сь, да стало видать, что замѣсто нивъ колосистыхъ на четверть льду навалило, — въ ревъ весь народъ ударился!.. Воронцовцы-то ревутъ, особливо бабье, а дядя Семенъ и пуще того. Какъ ума рѣшившійся, али какъ звѣрь какой, бѣгалъ онъ по выбитымъ полямъ, да по деревнѣ, да голосилъ: — «Убейте меня, окаяннаго!.. Мой грѣхъ!.. Мой грѣхъ! Окаянный я, свой народъ предалъ!..» Бѣгаетъ, да въ грудь себя колотитъ. Въ три дня извелся весь. И вотъ, какъ видите: закашлялъ, да затрясся,—какъ и по сейчасъ... Должно застудился онъ въ тѣ поры: на поле, какъ выйдетъ, такъ это на градъ прямо грудью. Стонетъ, да бьется; чуть-ли не заночевалъ на холоду-то, весь мокрый, да въ грязи... Спасибо нашелся одинъ нашъ изъ его мѣстъ, изъ села Головинки, да и довезъ его съ фургонами обратно подъ Эривань; а то мальчишкѣ одному и не справиться бы съ лошадьми, да фургонами.

— Съ того времени онъ и сталъ таковъ? спросили мы, съ сожалѣніемъ глядя на полубезумнаго старика.

— Съ той поры, съ той самой! подтвердили намъ. Онъ изъ достаточной семьи: его лечатъ. Вотъ и въ Тифлисъ привезли, — да ничто не беретъ! Видно весь вѣкъ таковъ останется. Притихъ, ни на что не глядитъ; почти что не ѣстъ даже. Кашляетъ, трясется, да свое бурчитъ: «дай хлѣба солдату! Богъ урожай убьетъ!»

— Крѣпко его одурманило, значитъ! заговорили снова въ кружкѣ молоканъ, стоявшихъ возлѣ насъ во все время разсказа хозяина.

— Да! Да! Вишь все солдата поминаетъ!

— Поминаетъ, какже!.. Это онъ все того, раненаго!.. Видно обликъ его чудится, вотъ онъ и мучается... Располагаетъ, въ своемъ умѣ, значитъ, что тотъ градъ съ солдатскаго заклятья набѣжалъ.

— Да, да, да!.. Тяжко, должно, ему... Не забываетъ.

— Какое!.. Онъ тѣхъ раненыхъ и по смертный часъ не забудетъ.

— Дѣла!.. сказалъ опять заѣзжій молоканъ, степенно поглаживая окладистую бороду. Нѣтъ, у насъ, хоша тоже были такіе, что косились, но мы на нихъ не глядѣли. Какъ же можно воина не успокоить?.. «Не

заграждай рта у вола молотяща»—сказано; а тѣмъ паче у воинства христолюбиваго!

— Это точно! согласился съ нимъ и хозяинъ дома. Тутъ вѣдь кому какой отъ Бога предѣлъ положонъ: кому земля—земля! Кому мечь—мечь! Они развѣ виноваты въ бранныхъ дѣяніяхъ своихъ?.. Они жисть свою полагаютъ за други своя.

— Что будешь дѣлать?.. Не всякому это дѣло въ толкъ, да въ разумѣніе... Смущаются! Народъ мы темный!.. заключили въ толпѣ молоканъ, провожавшей насъ за ворота.

V.

Яркій, жаркій полдень лѣтняго дня. Мы отправились, довольно большимъ обществомъ, посмотрѣть на работы нѣсколькихъ художниковъ безвозмездно трудившихся надъ живописными украшеніями Александровскаго сада, въ день Ардаганскаго праздника. Они рисовали громадные транспаранты, портреты нѣкоторыхъ героевъ войны, уже успѣвшихъ прославиться; кто—повигами, какъ Лорисъ Меликовъ и Тергукасовъ, кто честной смертью, какъ князь Челокаевъ. Какъ вдругъ, при выходѣ изъ городскаго сада, все наше общество было остановлено неожиданной про-

цессіей всадниковъ. Она длинной вереницей подымалась въ гору, отъ моста къ Головинскому проспекту, поражая всѣхъ встрѣчныхъ до того, что всѣ останавливались, а многіе слѣдовали и за нею, чтобъ ближе разсмотрѣть удивительныхъ верховыхъ. Вся процессія походила на ватагу святочныхъ ряженыхъ, перерядившихся въ древнихъ воиновъ—рыцарей.

Мы не вѣрили своимъ глазамъ, глядя на этихъ стройныхъ молодцовъ, одѣтыхъ въ желѣзныя кольчуги, въ острые налокотники и наколѣнники, надѣтые сверхъ туго обмотаныхъ ремнями коломановъ (кожаной обуви); у нѣкоторыхъ даже были надѣты мѣдные шлемы съ забралами, какъ у настоящихъ рыцарей. У другихъ кольчуги были наброшены и на головы, въ видѣ желѣзныхъ клобуковъ; у большинства же суконные башлыки обматывали головы; но у всѣхъ бросались въ глаза ярко-красные кресты поверхъ доспѣховъ на груди. Такіе точно красные кресты украшали груди рыцарей—крестоносцевъ, тѣхъ древнихъ христіянъ — воиновъ, что ходили въ Іерусалимъ освобождать гробъ Господень изъ подъ власти Турокъ, одинадцать вѣковъ послѣ Рожде-

ства Его. Всѣ эти ратники были вооружены съ головы до ногъ очень страннымъ оружіемъ, древнимъ какъ и ихъ кольчуги: какими-то тяжелыми сѣкирами, въ родѣ топоровъ, прямыми мечами, съ крестообразными ручками, длинными, кремневыми ружьями и старинными пистолетами. То была милиція православныхъ горцевъ дикарей: Тушинъ, Пшавовъ и Хевсуровъ. Живутъ эти небольшія племена въ почти неприступныхъ горахъ, на сѣверо-востокъ отъ Тифлиса, и почти никогда изъ нихъ не выходятъ. Теперь они составили свое ополченіе и добровольно вышли изъ своихъ лѣсныхъ дебрей на Божій свѣтъ, съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ войнѣ нашей съ ихъ вѣковѣчными врагами, — мусульманами. Храбрость и вѣрность этихъ народцевъ (которыхъ численность, не превышаетъ 35,000 челов.) вошла въ пословицу. Въ прежнія времена цари Грузинскіе всегда избирали изъ нихъ стражу, своихъ тѣлохранителей, зная что каждый изъ нихъ скорѣе дастъ себя разорвать на части, чѣмъ позволитъ тронуть особу царскую. Въ особенности Тушины славятся своей львиной храбростью. Въ 1846 г. жители двухъ сосѣднихъ тушинскихъ дере-

вень, выславъ всѣхъ своихъ ратниковъ въ горы, на войну съ Дагестанцами, имѣя всего 60 человѣкъ стариковъ и полу-дѣтей, способныхъ носить оружіе, отразили нападеніе цѣлаго скопища Лезгинъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Болѣе сотни мусульманъ осталось на мѣстѣ. Правыми руками ихъ, по мѣстному обычаю, долго были изукрашены ворота и двери домовъ въ обѣихъ деревняхъ. Тушинъ считаетъ стыдомъ возвратиться живымъ домой съ битвы, гдѣ онъ не остался побѣдителемъ и никогда не оставляетъ врагамъ даже труповъ своихъ товарищей, предпочитая лучше самому быть убиту, чѣмъ не выручить своего раненаго или хоть мертваго товарища. Въ битвахъ эти горцы незамѣнимы не только по мужеству, но и по силѣ и ловкости, которой не препятствуютъ ихъ тяжелое вооруженіе и пудовыя кольчуги. Тушины, Пшавы и Хевсуры христіане съ первыхъ временъ Христіанства въ Закавказіи. Отсутствіе грамотности, долгіе годы, проведенные ими безъ церквей и священниковъ, привили къ ихъ вѣрованіямъ много суевѣрій, почти языческихъ обрядовъ; но сами они твердо убѣждены, что исповѣдуютъ греческое вѣроисповѣданіе и скорѣе каждый изъ нихъ при-

метъ смерть, нежели отречется отъ Христа-Спасителя, Богоматери и св. Георгія Побѣдоносца. Дикія, почти неприступныя ущелья, скалы и горы, поросшія вѣковыми лѣсами, до сихъ поръ мѣшали путешественникамъ лучше познакомиться съ этими странными племенами. Теперь только русское правительство заботится о проложеніи дорогъ, о постройкѣ церквей и объ открытіи хоть какихъ нибудь школъ въ ихъ поселеніяхъ. Говорятъ они на старомъ грузинскомъ языкѣ, такомъ, какимъ писаны евангелія у Грузинъ, но котораго теперь сами Грузины почти не понимаютъ. Между тѣмъ горцы эти себя Грузинами не признаютъ, и что еще страннѣе—это множество обыкновеній, которыя заставляютъ думать, что на этихъ дикарей въ древнія времена имѣли вліяніе какіе нибудь выходцы изъ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ вооруженіе ихъ: шлемы, панцыри, щиты, совершенно незнакомы другимъ народамъ Закавказья. Равно и варенье пива, безъ котораго они жить не могутъ, почти не зная вина, напоминаютъ нѣмецкіе обычаи. Другіе народы Закавказья выростаютъ на винѣ, а съ пивомъ познакомились лишь со времени прихода Русскихъ; въ Тушетіи-

же, Пшавіи и Хевсуріи искони вѣковъ пиво варилось въ огромныхъ чанахъ до сотни ведеръ вмѣстимостью.

Переждавъ эту процессію горскихъ православныхъ воиновъ, направлявшихся на смотръ ко дворцу,—мы продолжали нашу прогулку къ саду лѣтняго театра, гдѣ работали художники, члены общества Краснаго Креста. Въ день празднованія къ нимъ безвозмездно присоединили свои труды музыканты и пѣвцы итальянскаго театра. Не только всѣ участвовавшіе въ работахъ по украшенію сада, по устройству его увеселеній, освѣщенія и фейерверка, но даже музыканты и пѣсенники, и грузинская музыка, и всѣ простые рабочіе единодушно отказались въ этотъ день отъ всякой платы. А толпы, осаждавшія Александровскій садъ въ день Ардаганскаго гулянья и другихъ, точно такихъ же, знаменовавшихъ каждую нашу побѣду, были такъ велики, что пришлось каждое гулянье повторять по два раза. Сборы съ нихъ очень увеличили средства Краснаго Креста и улучшили положеніе раненыхъ въ Тифлисѣ и его окрестностяхъ. Недаромъ пословица говоритъ, что с ъ м і р у п о н и т к ѣ— г о л о м у р у б а ш к а. Какое множество ру-

башекъ защитникамъ своимъ, пострадавшимъ на войнѣ, народъ Русскій шьетъ своими ниточками, да копѣечками!.. Ужь гораздо больше, навѣрное, чѣмъ самые большія пожертвованія богатыхъ людей могутъ сшить. Сила Русскихъ людей—въ ихъ дружной любви къ отечеству! Не въ значительности даровъ, а въ обиліи, въ постоянномъ притокѣ копѣечныхъ приношеній, которыя, какъ лепта евангельской вдовицы, имѣютъ большую силу, чѣмъ излишки богачей.

На первомъ народномъ празднествѣ въ Тифлисѣ былъ особенно замѣтенъ портретъ генералъ-маіора. князя Ильи Челокаева, въ черной каемкѣ. Передъ нимъ стояли толпы любопытныхъ, изъ которыхъ многіе знали князя и любили его какъ добраго честнаго человѣка и воина храбраго изъ храбрѣйшихъ. Тѣмъ горше была смерть этого генерала, что убитъ-то онъ былъ, что называется задаромъ, какой-то шальною пулей, пущеной на авось бѣглецами въ то время, какъ князь уже возвращался со своимъ отрядомъ, думая, что покончилъ дѣло и заставилъ бѣжать непріятеля. Эта пуля, къ несчастью, не на мѣстѣ его убила, а дала

страданія на десять дней а затѣмъ и смерть подъ ножомъ оператора, извлекавшаго пулю... Наканунѣ еще князь былъ достаточно бодръ, и написалъ успокоительное письмо своей молодой женѣ, увѣряя, что скоро съ ней увидится. Операція была страшно мучительна; хлороформу князь Челокаевъ ни за что не хотѣлъ взять и на столько имѣлъ силы воли, что ни одинъ стонъ не вырвался изъ груди его, и лишь по вдругъ осунувшемуся тѣлу его, доктора замѣтили, что все кончено, что онъ умеръ.

Новая каменная плита въ Александропольскомъ соборѣ осѣнила прахъ новаго славнаго бойца, павшаго за отечество. Этотъ траурный городъ еще съ прошлой турецкой войны, 1855 года, полонъ могилами православныхъ героевъ; а нынѣ ужь и не вмѣстить всѣхъ могилъ ихъ его холму чести,—такъ вѣрно названо Александропольское военное кладбище.

VI.

Конецъ іюля. Тифлисъ пылаетъ. Больно смотрѣть въ эту солнечную, мглистую даль. Недавно еще зеленые сады и въ особенности окрестныя горы, пожелтѣли, и бурые, пыль-

ные, они вмѣсто прохлады цѣлый день пышутъ жаромъ. Улицы города пусты. Кто могъ оставить занятія, службу—тотъ выѣхалъ въ прохладныя окрестности, на высокія горы, въ вѣчно свѣжіе лѣса; а тѣ, которымъ невозможно выѣхать на дачи, подвергали себя пеклу раскаленныхъ зданій и мостовой. По вечерамъ только можно было выйти изъ дому, да и то надо скорѣе спѣшить уѣхать въ сады, на берегъ Куры: тамъ хоть ночью можно вздохнуть!..

Не всѣ жители однако боятся жару и ищутъ одной прохлады. Вотъ по самому солнечному припеку нѣсколько экипажей подымаются по длинной, отлогой горѣ мимо арсенала и оружейныхъ мастерскихъ, на Авлабаръ. Другіе медленно одолѣваютъ Авлабарскій же только гораздо болѣе крутой подъемъ, со стороны стараго города, Армянскаго базара, мимо Метехской скалы и тюрьмы. И тѣ и другіе стремятся за городъ, къ одному и тому же мѣсту, гдѣ они и встрѣчаются на полугорѣ, пустынной, вызженой и непріютной.

Вдали вытянулись въ нѣсколько рядовъ въ линію досчатые деревянные сараи, очень похожіе издали на ящики, даже на черные

гроба... Это и есть вновь выстроенные бараки, переполненные больными и ранеными. Издали впечатлѣніе было безотрадное, печальное. Но когда вы въѣзжаете въ самые ряды этихъ жилищъ неказистыхъ, но выстроенныхъ по всѣмъ требованіямъ удобства и леченія больныхъ, непріятное впечатлѣніе исчезаетъ. Все внутри чисто, свѣтло и, по возможности, спокойно.

Да и то сказать: есть ли въ мірѣ созданіе выносливѣе, терпѣливѣе, добродушнѣе Русскаго человѣка, Русскаго воина особливо, когда онъ сознаетъ, что пострадалъ во славу и честь своего Царя, своей родины, своей доблести солдатской?.. Мало онъ требуетъ и за всякую ласку благодаренъ, на всякое добро памятливъ. Искренно считая себя «послѣдней спицей въ колесницѣ» общаго величія своего отечества, онъ самъ, болѣе всего, способствуетъ славѣ Россіи своимъ беззавѣтнымъ самоотверженіемъ, своей всегдашней готовностью жертвовать собою безропотно для блага общаго.

Мы, русскія женщины, ежедневно бывая съ больными и ранеными солдатами по нѣсколько часовъ, въ продолженіи всей войны, болѣе имѣли возможности узнать ихъ нежели

кто бы то ни было. Предъ начальствомъ, предъ всѣми, въ обычное время, солдатъ стѣсненъ. Для насъ же они были не солдаты, а больные, слабые, ждавшіе помощи и облегченія, за всѣхъ насъ пострадавшіе люди, «голубчики» Иваны, да Петры. Они не дичились насъ, охотно открывали намъ свои страданія, чувства и помыслы. Оттого-то мы ихъ и они насъ глубоко полюбили! Оттого-то мы теперь и можемъ говорить о нихъ съ увѣренностью, что говоримъ правду, что скорѣе не договариваемъ, чѣмъ преувеличиваемъ.

Сколько разъ приходилось намъ слышать отъ освоившихся съ нами, выздоравливавшихъ друзей нашихъ такія рѣчи, которыя и умиляли насъ до глубины души и удивляли глубиной своего разума.

— Когда у меня шинель на распашку, въ тѣ поры я Гришка Павличукъ! говаривалъ часто одинъ разудалый зубоскалъ Воронежской губерніи. Ну, а когда я при всей амуниціи—нѣтъ Гришки дома! Рядовой 4-й роты, 2-го батальона, третій съ права,—вотъ я и весь тутъ!

— Еще бы тебя Григорьемъ Ѳомичемъ въ

строю величать! смѣялись ему товарищи. Чай мы въ строю не свои, а казенные!

— Рукъ много нужно, чтобъ дѣло спорилось; а голова-то нужна одна, чтобы толкъ изъ него вышелъ, а не въ разбродъ оно пошло!

— Извѣстно: всякому свое! Кому приказъ отдавать, кому землю копать, — а кому за обоихъ грудью постоять...

— Спицъ то въ колесѣ чѣмъ больше, тѣмъ оно крѣпче; а ось для всѣхъ, одна: на ней все и держится и вертится!

Такія и имъ подобныя разсужденія безпрестанно раздавались въ баракахъ.

Трудные больные здѣсь лежали по возможности отдѣльно; трудными въ то тяжелое время назывались приговоренные къ смерти. Однако и въ общихъ палатахъ частенько бывали тяжело раненые страдальцы. Но не смотря на ихъ присутствіе, вездѣ раздавался говоръ, подъ часъ даже веселый смѣхъ. Я не слыхала только стоновъ. Простой человѣкъ нашъ стонать не любитъ, а въ большинствѣ случаевъ, пока онъ въ памяти, страдаетъ и умираетъ молча. Мнѣ случилось писать письмо подъ диктовку тяжко раненаго подъ Баязетомъ, солдата. Я не подо-

зрѣвала, что въ послѣдніе дни рана его открылась снова и что онъ очень опасенъ; но меня изумляло, что онъ иногда останавливался среди словъ, закрывалъ глаза и молчалъ. На мой вопросъ:

— Что съ тобой, голубчикъ? скажи о чемъ ты такъ задумываешься?—онъ спокойно отвѣчалъ:

— Простите, Христа ради, сударыня: это я боль пережидаю... Такъ, порою, мутитъ, что моченьки моей нѣтъ!

— Не позвать ли фельдшера или сестру?.. стала я спрашивать. Можетъ быть у тебя перевязка ослабла.

— Нѣтъ, сударыня. Не извольте безпокоиться: мнѣ ужь ничто не поможетъ... Да я что! Мнѣ то хорошо! За мной уходъ!.. А ужь какъ я подумаю каково тамъ-то, женѣ, да сынишкѣ малому будетъ горькое житье!.. И началъ бѣдняга просить меня, чтобъ ужь я потрудилась: написала бы, какъ нибудь потише, такъ чтобъ не очень ужь жена испугалась.

Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ безъ памяти, отъ антонова огня.

Вспоминается мнѣ и другой солдатъ, немолодой, раненый тремя пулями въ голову,

подъ Цихисъ-Дзири, возлѣ Батума. Не помню его фамиліи, но звали его Зиновей и остался онъ у меня особенно въ памяти потому, что слава Богу, выходили его и отправился онъ въ Россію, гдѣ онъ обновилъ своего Егорья. А ужь мы всѣ такъ боялись, что и этотъ «бѣлый» крестикъ уйдетъ со своей блестящей желтой и черной ленточкой назадъ въ капитулъ орденовъ, а на смѣну ему Зиновей получитъ тоже черный, могильный крестъ! Ужь и койка его одно время стояла въ отдѣльной коморкѣ; и самъ онъ хорошо понималъ, что не даромъ за нимъ такой внимательный уходъ, и особое помѣщеніе, и даже исполненіе всякихъ его желаній. Захотѣлось ему особый Образъ Спасителя, въ терновомъ вѣнцѣ; привезли ему, повѣсили, такъ чтобы онъ видѣть могъ. То и дѣло онъ, среди самыхъ жестокихъ мученій, подымалъ глаза на Божественный ликъ и крестился. Крестился и молитву самъ про себя творилъ, но тоже не стоналъ, а стиснувъ зубы, перемогался. За то, какъ поправился онъ, отслужили мы съ нимъ молебенъ въ Ангисхатскомъ древнемъ соборѣ, гдѣ чудотворный ликъ Спасителя; собрали его въ дорогу, въ Тамбовъ его родимый, вмѣстѣ со многими товарищами,

какъ и онъ возвращавшимися на родину. Снабдили мы его табачкомъ и кое-какими гостинцами, для его домашнихъ; а икону Спаса, подаренную ему въ баракахъ, Зиновей не уложилъ въ котомку, а зашилъ въ полотно и надѣлъ на грудь, подъ шинель. Такъ отправился онъ благополучно въ путь-дорогу домой, откуда потомъ нѣсколько разъ писалъ намъ.

Въ Тифлисскихъ баракахъ больше всего было больныхъ изъ Ріонскаго отряда; изъ Арменіи, Эриванскаго отряда меньше; а ужь изъ Александропольскаго такъ и совсѣмъ мало попадалось. Тѣ больше въ Ахалцихѣ, въ Боржомскихъ и Суромскихъ баракахъ оставались.

Много было у насъ и Грузинъ милиціонеровъ и Горцевъ; немало и Турокъ плѣнныхъ, которые въ началѣ всегда ужасно косились, боялись и докторовъ, и товарищей по баракамъ, и прислуги, и даже насъ. На женщинъ они, кромѣ страха, еще смотрѣли съ большимъ презрѣніемъ и признаюсь, что и наши сердца не могли такъ лежать къ этимъ изувѣрамъ, какъ къ своимъ больнымъ. Какъ бы они ни страдали, а все невольно думалось, глядя на эти черныя, звѣрскія

рожи; «Ну, братъ, мы вотъ тебя лечимъ; а попадись къ вамъ нашъ раненый, ты бы съ него живо кожу содралъ!»

И какъ-то неохотно руки подымались имъ помогать!.. И что же? Стыдно признаться, а надо сказать, что и въ этомъ отношенiи намъ, людямъ считавшимъ себя учеными и христiанами, наши простые, часто неграмотные солдатики подавали благiе, истинно христiанскiе примѣры!.. Въ нихъ не было ни малѣйшей злобы противъ этихъ недавнихъ враговъ своихъ. Они разговаривали и шутили съ ними, и табачкомъ ихъ подчивали, и непрочь были, кто поздоровѣй, услужить больному Турку или Кабулетцу.

Чтожъ! Чѣмъ они повинны?.. Что мы, что они,—все едино! Долгъ свой предъ отечествомъ сполняли. Не по злобѣ,—а по присягѣ другъ дружку били... Богъ съ ними! Они тоже люди... Чай, въ своей сторонѣ, объ нихъ тоже жены, да матери свово Бога молятъ!»

Такъ говорилъ намъ однажды пожилой солдатъ, лежавшiй рядомъ съ плѣннымъ. И признаюсь: стыдно стало мнѣ за свои мелкiя чувства, когда я въ душѣ сравнила ихъ съ великими словами этого солдата.

Нѣтъ! Не измельчалъ нашъ народъ православный, если среди его, сплошь да рядомъ, проявляются такія чувства, слышатся такія хорошія рѣчи! А великому народу, — великая будущность. Вотъ почему тотъ, кто знаетъ народъ Русскій, не можетъ сомнѣваться въ будущности и преуспѣяніи Россіи.

VII.

Въ одномъ изъ бараковъ, гдѣ я часто бывала, я чуть-чуть не потерпѣла еще большаго посрамленія изъ за своей нехристіанской нетерпимости. Лежалъ тамъ какой-то больной; у него было воспаленіе въ мозгу отъ сильной контузіи въ голову; не нашъ, не Русскій: это было и по лицу видно, да и по рѣчамъ, потому что онъ бредилъ, какъ я сначала думала, по турецки, но оказалось, что просто по грузински.

Должно быть Аджарецъ какой нибудь изъ за Батума! подумали мы, все еще воображая, что это больной изъ плѣнныхъ. И даже еще пожалѣли его. Вѣдь если онъ Аджарецъ — грузинъ, такъ значитъ христіанинъ, а съ нами дрался изъ подъ турецкой палки.

Вдругъ разъ вбѣгаетъ въ баракъ Грузинка, изъ очень бѣдныхъ видно, въ бѣлой чадрѣ, въ темномъ каленкоровомъ платьѣ; съ нею и фельдшеръ шолъ. Но она и ждать не стала, чтобъ ей указали того, кого она искала: глянула, мигомъ узнала и вся затряслась, не то съ испугу, не то съ радости,—подбѣжала къ больному и ну рыдать, ноги его обнимая. Мы бросились къ ней съ разспросами, оказывается—мужъ ея! Милиціонеръ, охотникъ изъ тифлисскихъ Грузинъ. И какъ это мы не знали, что бѣдняга самъ такой же православный боецъ за Россію, какъ и всѣ тутъ бывшіе солдатики? — Я понять не могу!.. Положимъ самъ онъ еще безъ памяти былъ; но съ чего мы такого маху дали, считали его за врага?.. Зато послѣ всѣ старались загладить свою несправедливость, ухаживали за бѣднымъ Отіей на перерывъ. И, не смотря на то, что кромѣ контузіи онъ еще былъ крѣпко турецкимъ ятаганомъ порубленъ, — онъ выздоровѣлъ и по сю пору живъ и здоровъ и по службѣ опять недурно устроился.

Дѣло въ томъ, что Отія и до войны служилъ хоть не Богъ вѣсть какъ много, а все же зарабатывалъ съ женой достаточ-

но на четверыхъ малыхъ дѣтей своихъ. Но когда пришла война, стали вызывать охотниковъ и милицію, Отія вызвался изъ первыхъ. Онъ былъ не простолюдинъ, —азнауръ (дворянинъ) изъ Телавскаго уѣзда. Кому-жь и оборонять Грузію отъ врага, если не дворянству грузинскому?.. Недаромъ князь Ревазъ Андрониковъ, уѣздный предводитель Тифлисскаго дворянства, сказалъ, провожая своихъ родныхъ ополченцевъ на бой:

— «Идите, съ Богомъ, братья!.. Пока есть у насъ, Грузинъ, жизнь и кровь, мы радостно будемъ отдавать ихъ за святое, православное дѣло»!..

Доблестныя слова, достойныя потомка вѣковѣчныхъ борцевъ за христіанство. Вотъ и Отія былъ такой же. Многіе отговаривали его, совѣтуя сослаться на бѣдность, на большую семью, —но онъ никого не послушалъ, отговорки считалъ стыдомъ и такъ объяснилъ и женѣ!

— «Нельзя, Майко, не идти мнѣ. Слыхала вѣдь ты, за что Царь объявилъ войну Турціи? Вѣдь эти басурмане, какъ прежде насъ обижали, такъ точно нынѣ и другихъ христіанъ мучатъ!.. Нельзя православному Государю, за православный народъ не всту-

питься, не наказать мусульманъ за ихъ изувѣрство; а намъ, людямъ православнымъ нельзя не помочь. Ему въ такой священной войнѣ. Всѣ честные Грузины пойдутъ!.. Не бойся! Проживешь, какъ нибудь работой, безъ меня. Добрые люди не оставятъ... а не вернусь,—Царь не оставитъ сиротъ воина, положившаго голову на войнѣ за православное дѣло»!..

И пошелъ Отія; и первыхъ три мѣсяца акуратно писалъ изъ Кабулетскаго отряда*). Писалъ онъ, что дѣло ихъ трудное, потому что дерутся они не въ открытомъ полѣ, а въ лѣсахъ непроходимыхъ, въ топкихъ болотахъ, гдѣ и пробраться-то, человѣку съ мѣстами незнакомому, очень мудрено; саперы прорубаютъ просѣки; очищаютъ пути войскамъ, какъ могутъ, изъ подъ огня; потому что ихъ, на работѣ, бьютъ изъ чащи, съ вершинъ деревьевъ, отвсюду, такъ что и не видно кто и откудова стрѣляетъ и отвѣчать-то не кому. Самая злая война и самый воровской народъ пришелся на долю Ріонскаго отряда!.. Мѣста лихорадочныя; люди

*) На Ріонѣ. Письма эти нами были въ послѣдствіи прочитаны.

помимо ранъ болѣютъ страшно. Обозу слѣдовать почти не возможно; часто по цѣлымъ недѣлямъ приходится обходиться безъ сухаго платья и безъ теплой пищи; но вѣдь на то и война, чтобъ всякія невзгоды и трудности переносить». «Что дѣлать?.. писалъ онъ въ одномъ изъ писемъ. Всѣ мы терпимъ, но никто не унываетъ»!.. А въ другомъ разсказывалъ онъ объ одной жаркой перестрѣлкѣ, гдѣ много людей легло»... «Пули такъ въ чащѣ лѣса и свистали, словно жуки майскіе, право! Но этотъ свистъ не страшенъ, напротивъ, онъ человѣка такъ подбодряетъ, что кажется весь свѣтъ на меня иди, я со всѣмъ свѣтомъ справлюсь. Особливо, когда, подъ это пѣніе, да до рукопашной дойдетъ. Тутъ ужь ты ни себя, ни свѣта не взвидешь!..» [illegible]

Помню я, что у меня и кинжалъ, и прикладъ, все въ ходу было! Билъ я ихъ съ маху, и въ право, и въ лѣво. Но кого, и какъ, и убилъ ли многихъ или единаго?—не помню!.. Послѣ дѣла, гляжу: руки у меня, черкеска и архалухъ—все въ крови. Ощупалъ я самъ себя: не хорошо, думаю. Видно раненъ я, да съ горяча не примѣтилъ. Умылся скорѣй; нѣтъ, ничего! Цѣлъ. Это зна-

читъ на мнѣ чужая кровь, ихняя... Неповѣришь, Майко: такъ гадко мнѣ стало, такъ тяжко, что даже лихорадка забила... И очень, также стыдно сдѣлалось мнѣ: боялся я чтобъ товарищи не замѣтили и смѣяться не стали»!..

Впрочемъ въ другихъ письмахъ уже Отія писалъ женѣ, что свыкся съ этой жизнью, что лихорадка больше его не бьетъ, при видѣ турецкой крови; что очень радъ даже, что Богъ привелъ его отличиться: турецкаго офицера въ плѣнъ захватить, за что его вотъ уже ко второй наградѣ представили.

«Не унывай, Майко! писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ. «Видишь: Богъ меня милуетъ!.. Зато, какъ покончимъ дѣло, да вернусь я къ вамъ,—за десятерыхъ работать стану! Вознагражу за всѣ твои лишенія. Поработаемъ оба во славу Божью; будемъ молиться и надѣяться, во всемъ полагаясь на волю Господнію, какъ подобаетъ христіанамъ»!..

И такого-то человѣка, я было за нехристя приняла!

Очень мнѣ было совѣстно это вспомнить, когда я обоихъ, мужа и жену лучше узнала. Майко была очень хорошая, трудолюбивая и богобоязненная женщина. Отецъ ея

былъ деревенскій священникъ, взросла она въ строгихъ правилахъ старины, почему и перенесла тяжкое время отсутствія мужа безъ ропота и не падала духомъ. Она работала денно и нощно, чтобы дѣти ихъ въ хлѣбѣ не нуждались, пока отецъ былъ на войнѣ. Вотъ только, какъ пересталъ писать онъ, да пока она его розыскала между живыми, — извелась бѣдная женщина совсѣмъ. Такъ ужь и думала, что пропалъ ея Отія и на вѣки остались они сиротами. Но и тутъ о дѣтяхъ не забыла: по богомольямъ ходила за мужа молиться, и къ дальней Варварѣ босая ходила, и къ св. Давиду въ гору на колѣняхъ вползала,—все такъ! Но работы не забывала и голодать дѣтей не заставила.

Зато какова была ея радость, когда она узнала въ нашемъ «плѣнномъ Туркѣ» своего мужа! И мы всѣ порадовались съ бѣдной женщиной. Особливо, когда Отія, черезъ нѣсколько дней, пришелъ въ себя и сталъ быстро поправляться. Главная болѣзнь его, воспаленіе мозга вслѣдствіе контузіи, со всѣмъ прошла,—это было всего важнѣе. Другія раны не были опасны и скоро зажили. Отія получилъ крестъ и золотую медаль за храб-

рость, а съ такими отличіями не трудно было ему найти снова мѣсто и гораздо лучшее, чѣмъ имѣлъ онъ до войны.

VIII.

Часто приходилось намъ въ это лѣто потѣшать выздоравливавшихъ солдатъ громкимъ чтеніемъ, которое всѣ они, безъ исключенія чрезвычайно любили; въ особенности нравилось имъ чтеніе газетъ, въ то время переполненныхъ описаніями подвиговъ ихъ же братьевъ и на Кавказѣ, и на Дунаѣ. Это было лучшее развлеченіе этимъ бѣднымъ увѣчнымъ и больнымъ, ранѣе другихъ выбывшимъ изъ воинскаго строя. Чтенія эти часто вызывали слезы умиленія и размашистые кресты рукъ, намозоленныхъ оружіемъ. Еще чаще оживленныя воспоминанія, смѣхъ и безконечные разсказы, которыхъ мы въ свою очередь заслушивались, слѣдовали за чтеніемъ.

Нѣкоторые разсказчики и теперь передо мною, какъ будто я видѣла и слышала ихъ вчера. Особенно одинъ изъ этихъ краснобаевъ мнѣ памятенъ, молодой солдатъ Бѣлоцерковскій, раненый въ обѣ руки и въ ключицу разрывною пулей. Еще у него лѣвая

рука вся забинтована была, и правая тоже на перевязи, а ужъ онъ все отдѣленіе, въ которомъ лежалъ, потѣшалъ прибаутками, да разсказнями.

Бѣлоцерковскій да еще одинъ бѣдняга, почти слѣпой, но превеселый, много намъ доставляли удовольствія своими разсказами. Этотъ былъ не раненъ, а контуженъ сильно, такъ что все лицо его, опаленное выстрѣлами, страшно распухло, и одинъ глазъ совсѣмъ не глядѣлъ. Самъ онъ разсказывалъ, посмѣиваясь надъ собою, что Богъ его за ослушаніе начальства покаралъ. Имъ было запрещено ѣсть лѣсные фрукты, потому что они развивали болѣзни желудка; а онъ именно былъ контуженъ, въ то время, какъ влѣзъ на дерево и собиралъ зеленыя груши.

— «Ослушался я, грѣшный, приказа: залѣзъ на грушу-то, какъ на вышку; вотъ онъ меня увидалъ, да и угостилъ!.. Спасибо въ пору я отклонился: онъ вѣдь мнѣ въ лобъ мѣтилъ. Тутъ бы мнѣ и капутъ!

— И подѣломъ! смѣялись ему товарищи. Не залѣзай, куда не слѣдъ, а приказы сполняй свято: цѣлѣй будешь!

Смѣялись они безъ всякаго недоброжелательства, напротивъ,—всѣ искренно порадо-

вались, когда другой глазъ у него поправился.

Разъ утромъ едва мы вошли въ баракъ, насъ окружили солдаты, вмѣстѣ со слѣпымъ (не помню его фамильи).

— Глядите, сударыня! еще издали кричалъ мнѣ Бѣлоцерковскій: нашъ-то «темный» что намалевалъ!.. Даромъ что на одинъ глазъ сплоховалъ, а другимъ-то ничего, — орудуетъ! И всѣ дружно хохотали.

На листѣ бумаги, сложенной вчетверо, была намалевана краснымъ карандашомъ какакая-то фигура съ болтавшимися ногами, верхомъ на другой, еще болѣе уродливой, съ хвостомъ и рогами, нарисованной чернымъ... Это слѣпой такъ изобразилъ кузнеца Вакулу, верхомъ на чортѣ. Передъ тѣмъ имъ прочитали Гоголя «Ночь наканунѣ Рождества», чтеніе произвело впечатлѣніе и восторгъ въ слушателяхъ необычайные. И вотъ нашъ бѣдный больной и рѣшился изобразить Вакулу картиной и всѣхъ обрадовалъ, блистательно доказавъ этимъ произведеніемъ, не только свой живописный талантъ, но и то, что онъ несомнѣнно уже превратился изъ слѣпаго, въ только «криваго».

И за то онъ долженъ былъ сказать большое спасибо судьбѣ.

По этому случаю Бѣлоцерковскій заявилъ, что ужь теперь «та турка, что въ него палила,—совсѣмъ въ дуракахъ осталась: хотѣла ему въ бровь попасть, да уложить на мѣстѣ, анъ-даже и въ глазъ-то путемъ не попала!..»

Въ другой разъ я сидѣла на пустой койкѣ, возлѣ трудно больнаго послѣ операціи солдата, а Бѣлоцерковскій тутъ же оживленно разсказывалъ, размахивая поджившей правой рукою, о разныхъ коварствахъ непріятеля.

— «Вѣдь онъ воръ, Турка-то! убѣдительно говорилъ онъ. Онъ ничѣмъ такъ не беретъ, какъ хитростью... Не приведи Богъ, какой мошенникъ!.. Мы — просты! Можемъ драться, — деремся; а бросилъ ружье, — свалился,—значитъ ужь, шалишь!.. Не въ моготу ужь. А онъ что?.. Вотъ хошь бы со мною, какъ было дѣло-то. Стоимъ мы въ цѣпи, на опушкѣ; а Турка то и дѣло изъ-за кустовъ попаливаетъ. Бацъ-бацъ! – и готово! Ему-то вольготно въ насъ цѣлить; а намъ его не видать: никакъ не потрафишь, потому онъ за кустами въ разсыпную расположился, а

мы на открытомъ мѣстѣ въ строю передъ нимъ мишенью стоимъ... Тутъ скомандовали: «Впередъ! Скорымъ шагомъ!..» Это значитъ чтобъ горку-то, откудова онъ на насъ пострѣливаетъ, въ атаку, на «уру», значитъ брать Ну, мы и рады: Лучше-жь намъ впередъ,! на нихъ бѣжать, чѣмъ стоять, пока въ насъ, какъ въ барановъ стрѣляютъ. Мы тутъ рядомъ вотъ съ имъ стояли (указалъ онъ на лежавшаго больнаго) какъ разбѣжались всѣмъ строемъ, да какъ вдаримъ вверхъ, бѣгомъ!.. Округъ насъ весь лѣсъ трещитъ: шибко пальба идетъ, а мы и ногъ подъ собой не чуемъ! Бѣжимъ съ нимъ, какъ на перегонки! И такъ-то весело тутъ, въ такой сумато хѣ, бываетъ, что не надо лучше!.. Чудесно!..

— Ну скажите пожалуйста! Что-жь тутъ веселаго?.. Людей бьютъ, самаго того гляди уложатъ, а онъ веселье нашелъ! недовѣрчиво сказалъ кто то изъ насъ, посѣтителей.

— А какъ-же! Да лучше того веселья не бываетъ, какъ въ горячемъ дѣлѣ. Бодрость такая на человѣка находитъ: кажись цѣлый бы свѣтъ положилъ! подтвердилъ Бѣлоцерковскій.

— Подъ гранатами еще и того веселѣй! отозвался голосъ съ дальней койки, съ дру-

гаго конца барака. Помнишь, какъ насъ съ броненосца лупили?.. Еще его гранаты все больше черезъ головы перелетали, да въ болото!

— И-и-и!!. какъ шлепнется она, да тину во всѣ стороны разбрызгаетъ,—тутъ-то смѣху!.. въ восторгѣ подхватилъ нашъ разсказчикъ. Такъ мы всѣ и прыснемъ!.. Что, говоримъ, кума: грязи накушалась?..

Всѣ слушатели дѣйствительно прыснули и закатились самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Даже бѣдный нашъ тяжко больной и тотъ усмѣхнулся и тихо сказалъ:

— Дай Богъ здоровья той болотной трясинѣ: много она народу отъ смерти спасла, затопляя непріятельскіе снаряды.

— А какъ тебя-то самаго дохлый Турокъ было убилъ? спросилъ кто-то изъ слушателей Бѣлоцерковскаго. И снова вся толпа покатилась со смѣху. Видно ужь много разъ приводилось имъ слушать разсказъ объ этомъ происшествіи и забавляться имъ.

— Не Турка! поправилъ тотъ: Кабулетецъ поганый. Это совсѣмъ особь статья вышла... Натолкнулся я, съ разбѣгу на него, за кустомъ. Гляжу, а онъ, шельма, цѣлится мнѣ въ лобъ. Ахъ! думаю, будь ты проклятъ

анафема! Захалился за кустъ, какъ заяцъ какой, да христіанскую душу загубить даромъ хочешь?.. Такъ вотъ-же тебѣ! Приложился я, да и выпалилъ на предки его, какъ Богъ послалъ, потому за дымомъ, да кустарникомъ не видать ничего. Гляжу: растянулся мой черномазый... Я было къ нему: грѣшнымъ дѣломъ хотѣлъ оружіе пощупать, потому ужь больно хорошими ружьецами подслужился этимъ бестіямъ другъ ихъ закадычный,—агличанинъ; а тутъ слышу, вотъ онъ, Гребновъ, зоветъ: изловилъ онъ значитъ за шиворотъ ихняго молодца, расшитаго такого, видно что изъ набольшихъ, унтеръ что ли ихній, да въ рукопашной съ нимъ и тягается... Тотъ было его ранилъ, вотъ эта самая рана (указалъ онъ на перевязанный лобъ товарища). Да эта бы ничего: соскользнула, а тутъ ему онъ еще съ боку поддалъ (онъ показалъ на другую рану несчастнаго больнаго, пониже уха). Я обернулся на зовъ его, смотрю: кровью заливается мой Гребновъ, Василій Ивановичъ. Бросился было я на выручку, какъ кто-то мнѣ сзади: бацъ!—прямо въ правую руку, повыше кости... Я туда, глядь!—а это мой

давшній воскресъ, коего я только что уложилъ...

— Ахъ бѣсъ его!

— Ишь ты! Вѣдь вотъ они какіе! раздались восклицанія: нехристи, эхидные!

Да чего эхидные! Ты дальше послушай. Покамѣсть я, кое какъ, лѣвой рукой прицѣливался въ его образину, мой покойникъ выхватилъ изъ за пояса пистолетъ, да мнѣ въ другую руку: хлопъ! Тутъ ужь у меня и ружье вывалилось.

— А тебѣ-бъ его сразу! Чего валандалъ?..

— За оружіемъ погнался! разсмѣялись солдаты.

— Подѣломъ! Не жадничай, а лучше добивай до конца.

— Да у его то и конца настояще не разберешь, оправдывался, самъ смѣясь, Бѣлоцерковскій... Вѣдь они Турки эти, да Арапы,— что муравьи живучи. Ты его уложишь и думаешь, что ужь онъ въ своемъ раю: Алла! Алла!—кричитъ; а онъ, бестія, очухается, да тебя самого и прихлопнетъ.

— Это точно, вмѣшался очень молодой солдатикъ, вотъ и я: меня тоже одинъ бѣсъ такъ хватилъ. Лежитъ, словно мертвый; я къ нему, какъ къ доброму приклонился:

очень ужь богатое на немъ оружіе было, все въ серебрѣ! А онъ, какъ вскинется, да кинжаломъ меня въ бокъ!

— И за дѣло! опять дружно разсмѣялись всѣ раненые и больные слушатели: дери съ мертваго, а не съ живаго!

— А вѣдь, кажется, мы ему мѣшаемъ? спросила я, указывая на лежавшаго больнаго, безпокойно поводившаго глазами; но тотъ слабо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, сударыня: на людяхъ легче. Пущай ихъ.

На міру и смерть красна! вспомнилось мнѣ. Видно не даромъ сложилъ Русскій человѣкъ эту пословицу.

— Ну, а Гребновъ сvово Турку полонилъ тогда, что ли? Справился? спросили Бѣлоцерковскаго.

— Полонилъ, а то какже!.. Я-то совсѣмъ, какъ дурень стоялъ: ничегошеньки со своими руками подѣлать не могъ. Да спасибо Климовъ возлѣ былъ, на помощь прибѣгъ и скрутили они вдвоемъ турецкую благородью.

Общій дружный смѣхъ.

Подъ его шумъ Гребновъ прошепталъ мнѣ чуть слышно:

— Я-то ужь, тоже, никуды не годился!.. Климовъ съ нимъ одинъ управился и меня самаго на перевязочный приволокъ.

— Вотъ тоже хватъ былъ, царствіе ему небесное! вскричалъ Бѣлоцерковскій. На Данибековскихъ высотахъ Богу душу отдалъ.

И онъ и многіе изъ слушателей его перекрестились.

— Душа человѣкъ былъ!.. Скольких выручалъ изъ товарищей! Ротнаго свово на плечахъ, раненаго, изъ подъ какого огня вытащилъ! Одного Георгія имѣлъ и къ золотому былъ представленъ, да не успѣлъ получить!..

— Многіе такъ-то не дождались!..

Всѣ помолчали, вѣроятно вспоминая каждый своихъ павшихъ братьевъ, недождавшихся земныхъ наградъ за свою доблесть.

— Много нашихъ легло тамъ! заговорилъ страшно исхудалый солдатъ. Жаркое это дѣло было! Высоты эти, что послѣ по имени генерала Денибекова названы, всѣ вѣдь ископаны были траншеями, что твоя гора Самеба, въ Цихисъ-Дзирскомъ дѣлѣ, все одно!.. Какъ повелъ насъ нашъ генералъ на приступъ, такую-то намъ лупку за-

дали, черти эти — страсть!.. Зато же и радость была, какъ мы ихъ одолѣли! Такое-то веселье отпраздновали, когда костры на Денибековскихъ высотахъ развели!..

— А и хорошій генералъ Денибековъ нашъ! снова заговорилъ Бѣлоцерковскій. Всегда самъ, впереди всѣхъ, подъ огнемъ и знать ничего не хочетъ.

— Да и славно, братцы, драться съ такими генералами, которые сами дорогу показываютъ! раздался голосъ съ одной изъ коекъ. Какъ у насъ, въ Эриванскомъ отрядѣ, двое такихъ генераловъ,— дай Боже имъ многія лѣта! Одинъ Тергукасовъ, генералъ; а другой-то бригадный у него, Иванъ Николаичь Броневскій *). Вотъ ужь можно сказать, что отцы родные нашему брату. И въ дѣлѣ, и послѣ дѣла, они завсегда съ солдатомъ за одно: всѣ нужды наши знаютъ! Съ себя готовы снять, да раненому, да больному отдать. А что ужь храбры—про то и

*) Генералъ-лейтенантъ Тергукасовъ, освободитель Баязетскаго гарнизона, командовалъ Эриванскимъ отрядомъ, впослѣдствіи командовалъ Текинской экспедиціей. Умеръ 9 января 1881 г. И. Н. Броневскій ближайшій помощникъ его по Эриванскому отряду, командиръ 1 бригады 19 дивизіи; умеръ въ 1880 г. въ Текинской экспедиціи, отъ тифозной горячки.

говорить нечего! Кто-жь въ бою храбръ не будетъ? Всякій!.. Нѣтъ, а ты такихъ поищи, чтобъ послѣ бою покоя себѣ не хотятъ имѣть, покамѣсть всѣхъ не обойдутъ, да не ублаготворятъ, какъ нашъ командиръ первый бригады!.. Вотъ это, такъ диво!

— Да! Ужь правда, что удивляться надо было! поддержалъ говорившаго другой раненый. Какъ отступали мы отъ Баязета съ жителями тамошними Армянами,— до 3,000 семействъ вѣдь шло съ нами: Христомъ-Богомъ просили они насъ забрать ихъ съ собою, а то вѣдь Турки бы ихъ, какъ барановъ перерѣзали! Такъ мы всѣ диву давались, какъ генералъ нашъ, Тергукасовъ, ихъ берегъ. Ни днемъ ни ночью себѣ покою не видѣлъ! Повѣрите-ли? Какъ нашъ братъ, рядовой, бывало лежалъ онъ ночью, не раздѣваясь, на передовой линіи. Прикроется своимъ плащемъ али буркой, однимъ глазомъ спитъ, а другимъ все посматриваетъ, сторожитъ, чтобъ Турки не подошли въ расплохъ!..

— А какъ шли это мы на соединеніе съ Саганлугскимъ отрядомъ, что это было?.. Безъ хлѣба, сколько дней, безъ соли, одной кониной люди питались. Такъ вѣдь и они, генералы-то наши, мало чѣмъ лучше на-

шего кушали. Я это доподлинно знаю! Товарищъ у меня, съ одной деревни, при генералѣ Броневскомъ состоялъ; такъ разсказывалъ, что даже какой былъ небольшой запасецъ чаю, да сахару. такъ все приказалъ на больныхъ отдать генералъ. Самъ чуть не на ржаныхъ сухаряхъ съ водой остался!.. Да еще, какъ осерчалъ было на него, на деньщика-то, за то, что онъ хотѣлъ немного для него же припрятать!

— А вѣдь съ такими генералами, коихъ любишь, да кои, послѣ бою милостивы,—а въ бою сами себѣ удержу не знаютъ,—на смерть человѣкъ словно на праздникъ идетъ, сказалъ опять Бѣлоцерковскій.

— Да нешто думаешь о смерти или объ ранахъ въ бою-то? слабо замѣтилъ больной. Объ нихъ и заботушки нѣту-ти!.. Только и думаешь: одолѣть бы скорѣе!

— Хороши бы солдаты были, еслибъ шли въ дѣло, а сами бы плакались: вотъ-вотъ убьютъ! расхохотался молодой солдатикъ, который жаловался на коварство раненыхъ Турокъ.

— И! Гдѣ тамъ?.. Тутъ на тебя такая сила находитъ, что кажется самъ чортъ бы

пришелъ, такъ одинъ бы съ сотней чертей справился!

— Ну! Чего черкаешься? укоризненно сказалъ Гребновъ, взглянувъ на говорившаго, а потомъ на олеографное изображеніе Божіей Матери, висѣвшее возлѣ него, на стѣнѣ. Не слѣдъ у иконы черкаться-то!

— Чего тамъ?.. Рази это икона?.. заговорили другіе. Онѣ вѣдь не священныя.

— Оно точно что не святили ихъ! вздохнулъ Гребновъ. А жаль!.. Всѣмъ бы икона, ну — не священная!

— Этому горю легко помочь, предложили мы, видя такое сожалѣніе. Мы попросимъ священника завтра пріѣхать съ нами и освятить всѣ эти образа, когда хотите?

Всѣ единодушно выразили большое удовольствіе такому предложенью.

У всѣхъ почти солдатъ были большія и маленькія олеографіи Христа и Богородицы, которыя во множествѣ жертвовали въ бараки; всѣмъ хотѣлось изъ простыхъ картинъ превратить ихъ въ настоящія иконы, которымъ можно было бы молиться.

Въ слѣдующее же посѣщеніе наше, съ нами вмѣстѣ пріѣхалъ священникъ и не только освятилъ образа солдатскіе, но обошелъ

всѣ бараки со святой водою и съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя» и всѣхъ окроплялъ; а ко многимъ страждущимъ обращался съ добрымъ, пастырскимъ словомъ.

Русскій человѣкъ всегда нуждается въ молитвѣ и обрядахъ вѣры. Онъ съ дѣтства привязанъ къ нимъ, а въ минуты испытаній и болѣзни тѣмъ болѣе въ нихъ имѣетъ нужду, какъ въ лучшемъ утѣшеніи.

Отрадно было видѣть радостное умиленіе на этихъ, загрубѣлыхъ въ бояхъ, изможденныхъ страданіями лицахъ!.. Низко опускались ихъ головы, а глаза жадно слѣдили за приближеніемъ священника и сосуда съ освященной водою, которой капли многимъ православнымъ воинамъ-страдальцамъ казались небесной росою, облегчающей и даже исцѣляющей всѣ ихъ недуги и печали.

Чего-чего русскій солдатъ на своемъ вѣку не справитъ? Чѣмъ только не послужитъ Царю, Россіи, да своимъ отцамъ-командирамъ?.. Во всѣхъ странахъ онъ побываетъ, всякаго дѣла насмотрится, со всякимъ народомъ сживется, ко всякимъ трудамъ привыкнетъ. Охранитъ, защититъ, грудью отстоитъ наше православное воинство свою мать-Россію, отъ всякихъ ея вороговъ!.. Ве-

литъ Царь-батюшка — и въ чужія земли пойдетъ: и тамъ недруговъ Его усмиритъ!.. Заселитъ пустыни безплодныя; изъ за сотень верстъ подъ солнцемъ палящимъ, по сыпучимъ пескамъ проведетъ въ нихъ воды благодатныя; дороги проложитъ, города выстроитъ, чрезъ пучины мосты перекинетъ, нивы, поля засѣетъ, засадитъ, а придется отстаивать заселенныя мѣста, такъ онъ ихъ безропотно своими же костями удобритъ, своей честной кровью польетъ!

А на покоѣ, глядишь: онъ по книжкѣ буквы выводитъ, — грамотѣ самъ учится и другихъ обучаетъ. Прикажетъ начальство,— солдатъ и хлѣбъ испечетъ, и кашу сваритъ и, на походѣ, всякія тебѣ битки да бифштеки, чуть что не на колесѣ выбьетъ, изрубитъ и въ сласть изготовитъ. Нѣтъ у командира повара — солдатъ за повара! Нѣту кучера?—Онъ и за кучера. Да это что еще? Нѣту нянюшки у дѣтокъ,—солдатъ-деньщикъ ихъ и вынянчитъ, и выхолитъ, и выроститъ. Да еще и матери-командиршѣ, въ случаѣ нужды найдетъ время бѣлье постирать, воротнички—оборочки разгладить. Всяко бываетъ!.. На все у солдата и умѣнья и охоты хватитъ, только будь ты съ нимъ ла-

сковъ, позволь ты ему къ себѣ привязаться, смотри на него, какъ на живую душу, какъ на человѣка способнаго любить за добро твое такъ-же, какъ и готоваго умирать, когда надо за отечество.

Одного только не умѣетъ сдѣлать солдатъ нашъ: не умѣетъ сдаваться врагу! Не умѣетъ тѣмъ болѣе измѣнить отечеству, забыть присягу, долгъ, честь солдатскую и вѣру православную...

Нѣтъ! Этого онъ не съумѣетъ.

Въ первомъ случаѣ, коли ужь подойдетъ такое горе, что одолѣетъ вражья сила, не хватитъ силушки оборониться,—онъ, не задумываясь, взорветъ себя и товарищей своихъ на воздухъ, какъ сдѣлалъ это безсмертный Архипъ Осиповъ: честную душу Богу отдастъ, а тѣломъ многострадальнымъ придавитъ, вмѣстѣ съ землей и каменьями, враговъ Царя своего и родины. А что до измѣны, то мученическія кончины Данилова, унтеръ-офицера 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона и Никитина, фейерверкера 21-ой артиллерійской бригады, еще недавно подтвердили, что воину православному куда легче дать съ себя живаго кожу ремнями содрать, чѣмъ измѣнить вѣрѣ Христовой

или научить враговъ, какъ стрѣлять изъ русской пушки, въ Русскихъ людей.

Разскажемъ здѣсь, для памяти, русскому народу объ этихъ подвигахъ солдатскихъ.

Безсмертнымъ зовутъ Архипа Осипова потому, что и по нынѣ, и по всегда отданъ приказъ вызывать его при вечернихъ перекличкахъ Теогинскаго полка, гдѣ служилъ онъ и геройски погибъ. И какъ только раздается кличь: «Архипъ Осиповъ!» Такъ ефрейторъ отвѣчаетъ: «Погибъ во славу русскаго оружія!..» И точно во славу. Было это въ 1840 году, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Михайловскомъ укрѣпленіи. Въ томъ году Шамиль поднялся съ большими скопищами; напали они на маленькіе форты по берегу моря, въ которыхъ чуть не всѣ люди были измучены лихорадками и находились больше въ лазаретахъ, чѣмъ въ караулахъ. Передъ тѣмъ адмиралъ Серебряковъ объѣзжалъ ихъ на пароходѣ и приказывалъ гарнизонамъ, въ случаѣ нападенія бороться до послѣдней крайности, а въ случаѣ совершеннаго безсилія продолжать борьбу, совѣтовалъ не сдаваться въ плѣнъ, а лучше взорвать крѣпость порохомъ.

7-го февраля неожиданно взятъ фортъ Лазаревъ, гдѣ изъ 200 человѣкъ всего 60 солдатъ было здоровыхъ. Погибли всѣ, кромѣ раненыхъ и больныхъ 30 человѣкъ, взятыхъ горцами въ плѣнъ. 22-го февраля взято укрѣпленіе Вельяминовское, гдѣ 400 человѣкъ 6 сутокъ бились противъ 8,000 Черкесовъ. Когда оставалось въ живыхъ менѣе 70, капитанъ Папахрасто схватилъ зажженный фитиль и побѣжалъ къ пороховому погребу; но, непріятель, ворвавшійся въ крѣпость, бросился на него и изрубилъ его въ куски.—22 марта взято Михайловское укрѣпленіе, но въ плѣнъ никто не взятъ, потому что рядовой Тенгинскаго полка, Осиповъ, успѣлъ зажечь пороховой складъ, когда Черкесы ворвались въ него. Взрывомъ этимъ было убито и переранено такое множество горцевъ, что непріятель не могъ далѣе продолжать набѣга и разбрелся, развозя по ауламъ своихъ раненыхъ. Архипу Осипову поставленъ памятникъ въ городѣ Владикавказѣ, гдѣ онъ изображенъ съ фитилемъ въ рукахъ, въ ту минуту, какъ онъ приблизилъ его къ бочкѣ съ порохомъ.

Даниловъ съ Никитинымъ еще ждутъ сво-

ихъ памятниковъ, которыхъ столь же достойны.

Ѳома Даниловъ, унтеръ-офицеръ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго батальона, изъ крестьянъ Самарской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, взятъ былъ въ плѣнъ Кипчаками, 21 ноября 1875 года, въ Маргеланѣ. Самъ ханъ Кипчакскій обѣщалъ ему не только помилованіе, но награду и почести, если онъ только отречется отъ Христа и перейдетъ въ его службу, учить стрѣльбѣ его войско. Даниловъ отвѣчалъ, что лучше желаетъ умереть въ Христіанствѣ, чѣмъ измѣнить вѣрѣ и Царю... Тогда ханъ приказалъ не просто убить его, а мучить и среди пытокъ то и дѣло останавливаться и спрашивать: «Не измѣнилъ ли мыслей? Не перейдешь ли въ нашъ законъ?..» И каждый разъ воинъ-мученикъ твердо отвѣтствовалъ: «Не отрекусь отъ Христа! Не измѣню отечеству!..» Съ тѣмъ онъ и умеръ, въ жестокихъ страданіяхъ. Мучители его въ изумленіи, сами почтили его погребеніемъ съ почестями, на свой ладъ и назвали Ѳому Данилова — батыремъ, по нашему богатыремъ. И воистину онъ былъ православный богатырь!.. Государь положилъ вдовѣ его и до-

чери пенсію; дворяне Самарской губерніи собрали имъ 1.320 р, и приняли дочь его на воспитаніе въ учебное заведеніе.

Фейерверкеръ 21-ой артиллерійской бригады Никитинъ во время Текинской экспедиціи, въ 1879 году, при Геокъ-Тепе, взятъ былъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ пушкой. Текинцы обѣщались отпустить его, съ тѣмъ, чтобъ онъ направилъ на Русскихъ пушку и научилъ ихъ стрѣлять. Онъ отказался на отрѣзъ. Тогда дикари велѣли сдирать съ него, полосами, кожу и такимъ образомъ звѣрски замучили его, но поколебать не могли.

Такъ скончались, славной смертью эти трое Русскихъ героевъ. Ихъ подвиги извѣстны; но какое множество нашихъ воиновъ погибло не менѣе мужественно и славно,—да только о смерти ихъ никто не узналъ!

Кланяемся вамъ низко, доблестные русскіе солдаты! Вѣчная память погибшимъ въ бояхъ за отечество братьямъ нашимъ!.. Многія лѣта,—громкая слава нашему православному воинству!

19) **О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о Мамаевомъ побоищѣ.** Ап. Н. Майкова. Ц. 6 коп.

20) **Куликовская битва.** С. Рождественскаго. Ц. 8 к.

21) **Иванъ Третій.** Ап. Н. Майкова съ карт. Ц. 12 коп.

22) **Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка первая. Ап. Н. Майкова. Ц. 7 к.

23) **Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка вторая. Его-же. Ц. 5 к.

24) **Изъ за чего пошли войны Россіи съ мусульманствомъ.** Книжка 3-я. Его же. Ц. 7 к.

25) **О смутномъ времени на Руси.** Два чтенія И. И. Петрова. Съ 3 карт. Ц. 20 к.

26) **Царствованіе Михаила Θеодоровича.** Съ портретомъ. Ц. 10 к.

27) **Царствованіе Алексѣя Михайловича.** Съ портретомъ. Ц. 10 к.

28) **О Петрѣ Великомъ.** С. Рождественкаго. 3-е изданіе. Съ 3-мя картинками. Ц. 15 к.

29) **Петръ Великій по сочиненіямъ А. С. Пушкина.** А. Филонова. Ц. 5 к.

30) **О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II).** Чтеніе И. И. Петрова. Съ 2 портрет. Ц. 12 к.

31) **Суворовъ.** С. Рождественскаго. Съ портретомъ Суворова. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

32) **Александръ I Благословенный.** Съ 2 карт. Ц. 8 к.

33) **Народная война 1812 г.** 3 чтенія Состав. Яхонтовъ. Съ 5 картинками. Цѣна 25 коп.

34) **Разсказы о севастопольцахъ.** А. Супонева. Съ картиною. Изд. 3-е. Цѣна 15 к.

35) **Просвѣтитель Восточной Сибири.** Съ портретомъ преосв. Иннокентія, Митрополита Московскаго Ц. 15 к.

36) **Русская правда или судъ въ стародавнія времена.** Историческая повѣсть В. Лапина, съ карт. Изд. 2-е. Ц. 7 к.

37) **Историческая повѣсть изъ временъ татарскаго погрома.** В. Лапина. Ц. 10 к.

38) **Кавказъ и Закавказье.** Съ картою. В. Желиховской. Ц. 25 к.

39) **Тарасъ Бульба.** Историческая повѣсть. Н. В. Гоголя. Ц. 5 к.

40) **Купецъ Иголкинъ и его подвигъ.** Съ 1 карт. Ц. 8 к.

41) **Сказки и пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ,** крестьянскомъ сынѣ, съ 7-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 5 к.

42) **Чай, откуда онъ идетъ къ намъ и чѣмъ полезенъ.** Е. Рейнбота. Съ 2 раскр. картинками. Ц. 8 к.

43) **Какъ изъ сѣмечка выростаетъ растеніе, какъ оно питается, какъ живетъ и чѣмъ полезно человѣку.** Кн. В. М. Съ таблицею рисунковъ. Ц. 25 к.

44) **Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ.** Доктора Перфильева. Ц. 35 к.

45) **Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ.** Его-же. Книжка вторая. Ц. 20 к.

46) **Бесѣда о флотѣ.** Д. Шишмарева. Съ 5 рис. и краткимъ словаремъ морскихъ выраженій. Ц. 25 к.

47) **Двѣнадцать мудрыхъ басенъ.** Съ портр. Крылова. Изд. 2-е. Ц. 5 к.

48) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ I-й. Изданіе второе. Ц. 6 к.

49) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ II-й. Изд. второе. Ц. 6 коп.

50) **Сборникъ стиховъ.** Выпускъ III-й. Изд. 2-е. Ц. 6 коп.

51) **М. В. Ломоносовъ.** А. Филонова. Съ портретомъ. Изд. 3-е. Ц. 5 к.

52) **Кольцовъ и его пѣсни.** М. Парунова. Съ изображ. памятника Коль

цову въ Воронежѣ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

53) Архангельскіе китоловы. Повѣсть Сѣтковой (Катенкампъ). Съ 4 карт. въ текстѣ. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

54) Роковой кладъ. Сѣтковой (Катенкампъ). Съ картинкою. Ц. 15 к.

55) Братья. Сѣтковой (Катенкампъ). Съ 4 картинками въ текстѣ. Ц. 5 к.

56) Лучшая месть. Сѣтковой (Катенкампъ) съ 3-мя карт. въ текстѣ. Ц. 5. к.

57) Мороходъ Никитинъ (пересказъ повѣсти Марлинскаго) и двѣ морскія пѣсни, съ 3-мя рис. въ текстѣ. Ц. 5 к.

58) Архангельскій край. Съ картою. Ц. 20 к.

59) Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ. В. А. Жуковскаго. Ц. 10 к.

60) Старинъ Никита и его три дочери. Сѣтковой (Катенкампъ). Съ рисункомъ. Ц. 10 к.

61) Листки: «Мининъ и Пожарскій» — съ рисункомъ. «Александръ Невскій» — съ изображеніемъ. «Кириллъ и Меѳодій» — съ изображеніемъ. «Кулибинъ» — съ портретомъ. Ц. каждому 1 коп.

Гг. иногородные съ требованіями обращаются по почтѣ: къ Предсѣдателю Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ, уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова, № 38.

Гг. книгопродавцы пользуются уступкою при покупкѣ книгъ на деньги 30%.

Склады изданій Коммисіи находятся въ С.-Петербургѣ: при Канцеляріи Коммисіи, (уг. М. Итальянской и Лиговки, д. Петрова) и въ книжныхъ магазинахъ: П. В. Луковникова, Фену и К° и складъ В. А. Березовскаго (Колокольная, № 14). Въ Москвѣ: въ магазинахъ: Общества распространенія полезныхъ книгъ въ Петровскихъ линіяхъ, «Сотрудникъ школъ» Залѣсской, у Арбатскихъ воротъ и Салаевыхъ на Мясницкой.

2007059890